

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ

София, понедельник, 19 февраля 1945 года.

/ Началось в 8 час.40 мин/

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Б.ЛОЗАНОВ: Третий Верховный состав народного суда в Софии, образованный для суда над виновниками волеизъявления Болгарии в мировую войну против союзных народов и над виновниками злодеяний, совершенных в ходе войны, объявляет сегодняшнее первое заседание открытым.

Будет рассмотрено дело № 3 по списку настоящего суда.

По этому делу привлекаются к ответственности: доктор Марко Антонов МАРКОВ, доктор Георгий Минчев МИХАЙЛОВ, архимандрит Иосиф ДИКОВ, архимандрит Николай Гаврилов КОЖУХАРОВ, архимандрит Степан НИКОЛОВ и Борис Григоров КОЦЕВ; свидетели по обвинительному акту: д-р Иван КОЙЧЕВ, д-р Иван БАЛКАНСКИЙ, пресвитер Стефан ЦАНКОВ, д-р САРАФОВ, д-р Адриан ГЮРОВ и Александр ЖЕЛЕВ.

Сейчас необходимо установить личность подсудимых.

Д-р Марко Антонов МАРКОВ, откуда вы родом?

ПОДС. Д-р М.МАРКОВ: Из гор.Нова Загора.

- Сколько вам лет?

- 44.

- Ваше занятие?

- Врач.

- Национальность?

- Болгарин

- Женаты ?

- Женат.

= Вы грамотны?

- Грамотен.

= Были ли под судом?

- Нет.

= Д-р Георги Минчев МИХАЙЛОВ, откуда вы родом?

ПОДС. Д-р Г.МИХАЙЛОВ: из села Козаровец, Горно-Ореховско.

= Сколько вам лет?

- 36.

= Занятие?

- Врач

= Национальность?

- Болгарин.

= Женаты?

- Женат.

= Грамотны?

- Грамотный.

= Были ли под судом?

- Нет.

= Архимандрит Иосиф ДИКОВ, откуда вы родом?

ПОДС. АРХ.И.ДИКОВ: Село Махалата, Плевенско.

= Возраст?

- 37.

= Занятие?

- Чиновник, болгарин, не женат, грамотный, не судился.

= Архимандрит Николай ГАВРИЛОВ, откуда вы родом?

ПОДС. АРХ.Н.ГАВРИЛОВ: Село Ресен, Великотырновское.

= Возраст?

- 36.

= Занятие?

- Учитель, болгарин, не женат, грамотный, не судился.

= Архимандрит Стефан НИКОЛОВ, откуда вы родом?

ПОДС.АРХ.СТ.НИКОЛОВ: Село Желява, Софийско.

= Возраст?

- 40.

= Занятие?

- Чиновник, болгарин, не женат, грамотный, не судим.

= Борис КОЦЕВ Григоров, откуда вы родом?

ПОДС.Б.КОЦЕВ: Самоков.

= Возраст?

- 40.

= Занятие?

- Был чиновником, болгарин, женат, грамотный, не судился.

= Сейчас будет оглашен список свидетелей со стороны подсудимых: д-р Рува ВАСИЛЬЕВА, д-р Никола ШИПКОВЕНСКИ, д-р Константин КУСИТАСЕВ, Васил ВАСИЛЕВ, Христо МИНКОВСКИ, Евгений КАМЕНОВ, д-р Д.КАДАНОВ, д-р Георги УЗУНОВ, д-р Иван КИРОВ, д-р Райко РАЙКОВ, Митрополит КИРИЛЛ, архимандрит ДОМАСКИН, Трифон БАЛЕВ, протопросвитер Георги ШАВЕЛСКИ, Атанас Димитров КАРАЯНЕВ, Петр п.СТОИЛОВА, Минчо МЕЧКОВ, Его Блаженство Екзарх Стефан 1, митрополит САФРОНИЙ, инж. Павел ЦАНКОВ, Тодор ТАТАРОВ, Борис ГЫЛЫБОВ, Трифон КУНЕВ, свящ. Филипп ФИЛКОВ, свящ. Никола КАЛДЕВ, Венета ЧУКЛЕВА, Борис ДИМИТРОВ, Стоян НЕЙКОВ, Борю СУЛТАНОВ, Христо ЗАИМОВ, Иван МИНКОВ, Георги КОСТОВ и д-р Маню РАШЕВ.

Это свидетели со стороны подсудимых. Эти лица, которые слышали сейчас свои имена, должны оставить зал заседаний, так как свидетели не могут присутствовать пока не будут допрошены. Кроме того, об"являю этим лицам, что они вместе с теми, которые указаны в обвинительном акте, должны прибыть

сюда в среду утром в 8 час.30 мин. утра для допроса.

Остальные свидетели, указанные подсудимыми не были допущены. Я сообщаю подсудимым, что некоторые из них могут быть приведены в среду, и если будут приведены, то мы их допросим.

Сейчас будет зачитан обвинительный акт.

/ Зачитывается обвинительный акт/.

Подсудимые! Вы заслушали обвинительный акт. Вы слышали в чем вы обвиняетесь народным обвинителем. Прежде чем приступить к допросу каждого в отдельности, Народный суд считает уместным напомнить вам, что вы в своих показаниях должны действительно раскрыть всю правду в связи с аферой в Катини и Виннице. Этим вы не только облегчите свою участь, но также окажете услугу правде, услугу нашему отечеству, услугу всей европейской общественности.

Суд руководствуется единственным желанием узнать правду и надеется, что при допросе вы тоже, проникнутые этим сознанием, окажете услугу не только суду, но и правде и нашему народу, особенно в нынешнюю, поистине, великую эпоху, переживаемую народами.

Сейчас приступим к допросу подсудимых, каждого в отдельности.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО Д-ра МАРКО АНТОНОВА МАРКОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Б.ДОЗАНОВ: Оставить только подсудимого д-ра Марко МАРКОВА.

Д-р Марков! Вы слышали, в чем вы обвиняетесь. Расскажите нам, что можете сказать по этому обвинению. Прежде

всего скажите нам, признаете ли вы то, что изложено в обвинительном акте, верным и признаете ли себя виновным, а затем продолжите дальше.

ПОДС. Д-р М.МАРКОВ: Уважаемые, народные судьи! Я действительно чувствую вину перед болгарским народом, перед его великим освободителем, перед славянством и перед всем культурным человечеством в том, что когда насильническое правительство Филова применило ко мне нажим, чтобы я принял участие в так называемом Катынском расследовании, как болгарский представитель, я не нашел у себя достаточно сил, чтобы отказаться от этой миссии, и с риском перенести те тяжелые последствия, которые уже переносили в лагерях и тюрьмах в то время другие, более смелые болгары, противники преступной политики того времени. Каким бы ни было ваше решение о моей судьбе, о моей виновности по букве и смыслу закона, по которому я призван отвечать здесь, но чувство этой вины будет тяготить всю жизнь меня. Катынь надломила мою жизнь.

Вместе с тем, однако, в интересах истины, а не только для защиты, я заявляю, что не имел ни малейшего намерения и желания услужить немцам или умышленно способствовать нарушению нейтралитета нашей страны в борьбе, которую вел великий Советский Союз, защищая свои земли от немецкого нашествия. Наоборот, насколько позволяли мои слабые силы и возможности, я старался саботировать затею немецкой пропаганды и по-возможности ограничить с болгарской стороны проявления того, что ясно нарушало провозглашенный нами нейтралитет. Я верю, что это станет

ясно уважаемому суду, если позволите мне обстоятельно изложить суть вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ Б. ЛОЗАНОВ: Да, правдиво и ясно.

- События, из-за которых я сегодня оказался здесь, начались в последние дни апреля 1943 года, непосредственно перед пасхой. До этого, как все болгарские граждане, я знал только то, что проникало в нашу печать из германских источников: что немцы открыли массовые могилы убитых польских офицеров, что начали их разрывать, что в этом расследовании участвовал и польский Красный Крест. Ничего другого мне не было известно и, в частности, мне ^{не} было известно, что предполагалось какое-то международное расследование, в котором Филов согласился участвовать через болгарских представителей, что искали болгарского представителя и выдвигали для этого то или иное лицо.

За несколько дней до пасхи директор судебно-медицинского института профессор Москов, при кафедре которого я числился в качестве доцента - сказал мне, что уезжает с семьей в свой родной город Севлиево, чтобы провести там пасхальные праздники. Он мне больше ничего не объяснил, и в частности, не сказал, что на него возлагалась уже миссия поехать в качестве болгарского делегата в Катынь. Уже впоследствии, когда я вернулся из Смоленска, а он после пасхи возвратился из Севлиево, он сказал мне, что действительно на него был сделан большой нажим для того, чтобы он согласился взять на себя миссию представлять Болгарию в Катынском расследовании. Натиск был сделан,

как он сам мне сказал, лично министр-председателем Филовым, который обратил его внимание на то, что внешне это может казаться приглашением, а в сущности - это приказ и он должен его выполнить.

В этот нажим на него вмешался и тогдашний министр просвещения Иоцов, который был его личным другом и другом его покойного брата хирурга Москова.

Иоцов обратил его внимание на то, что, если он не подчинится этому приказу, то это будет иметь для него самые плохие последствия. Не имея возможности избежать возлагаемой на него миссии иным путем, Москов уехал в Севлиево, не сказав мне ничего об этом деле.

Мне он объяснил, что не желал принять эту миссию, так как был обижен немцами, отказавшими ему в научной поездке в Германию. И только из Севлиево он телеграфировал прямо в Министерство Иностранных Дел, что не может выехать, и что в этом деле заменить его могу я, как самый старший в судебно-медицинском институте.

Как бы то ни было, до того момента, как меня потребовали для этой миссии, повторяю опять, я ничего не знал, что нужен делегат, который должен был представлять Болгарию в Катини.

Был предпоследний рабочий день перед пасхальными праздниками. По обыкновению я был на работе в больнице Института. Вошел один из работников обслуживающего персонала и сказал мне, что меня вызывают по телефону из Министерства Иностранных Дел. Я удивился. Наш Институт

никогда не имел никаких дел с Министерством Иностранных Дел. Я подошел к телефону. Говорил со мной д-р Гюров. До этого времени я не имел представления, кто этот человек. Он сам назвался мне - не помню каким титулом - не то личным секретарем Филова, не то начальником личного кабинета Филова, что-то в этом роде - и передал мне, что по распоряжению министр-председателя я должен выехать, как болгарский делегат, в одну международную комиссию, которая созывается, чтобы исследовать трупы польских офицеров, найденных убитыми в Катынском лесу.

Почти инстинктивно я почувствовал, что здесь что-то неладно, если хотите, что-то нечисто в этом деле, и снова почти инстинктивно сделал еще в первый момент усилие избежать этой миссии. Самым обыкновенным возражением в таких случаях является ссылка на нездоровье и пр. Я не мог сослаться на нездоровье, так как по телефону он застал меня на работе, значит я был здоров. Оставалось заявить, что я не могу покинуть работу, так как директор Института уехал в провинцию и оставил меня своим заместителем, следовательно я не могу отлучаться. К моему сожалению, у меня немедленно была отнята эта позиция. Гюров сказал: "Мы получили телеграмму от директора Института Москова, который заявляет, что он не может приехать, и что именно Вы должны его заменить в этой миссии".

Я высказал удивление, почему директор не обратился лично ко мне, а телеграфировал в Министерство Иностранных Дел. Точно не помню ответ Гюрова, но его мысль была такова,

что это сделано из-за недостатка времени. Министерство Иностранных Дел телеграфировало Москову и он дал ответ. Он пригласил меня прийти в Министерство Иностранных Дел, чтобы он мог показать мне телеграмму Москова, обратив мое внимание на то, что отъезд должен состроиться на второй день пасхи, значит в понедельник, а это было в пятницу, и что остается только один день, до обеда в субботу перед пасхой, когда я смогу приготовить документы для отъезда, как болгарский делегат.

Я был ошеломлен этой миссией. Я чувствовал, как она тяжела и ответственна и когда возвратился к моим коллегам-д-ру Васильевой и д-ру Шипковенскому, они первые спросили меня, в чем дело, какую неприятную новость тебе сообщили, ты выглядишь больным, что произошло? Я объяснил им, в чем дело. Они постарались, как могли, успокоить меня, но я чувствовал, что становлюсь на тяжелый путь.

На другой день утром я пошел в Министерство Иностранных Дел и был принят Гюровым, которого тогда видел впервые. Я пошел туда с желанием и надеждой, что смогу каким-нибудь образом убедить этих людей освободить меня от этой миссии. Я сказал Гюрову, что не желаю ехать, что чувствую себя недостаточно известным, как общественный деятель для такой тяжелой миссии - действительно я являюсь доцентом только несколько месяцев, раньше был ассистентом. Однако, он мне снова заявил, что меня выдвинул для выполнения этой миссии мой начальник, вынул из ящика стола телеграмму и прочитал мне ее. Текст, насколько я могу помнить, был следующий:

" Не могу поехать, пусть вместо меня поедет профессор Марков из моего института".

Весь этот разговор происходил в круглой комнате, которая находится над входом в Министерство Иностранных Дел. Я вошел в эту комнату, направо был стол Гюрова. Он достал эту телеграмму из ящика и ее прочел мне. Он еще раз очень настойчиво заявил, что, поскольку старший судебный медик не может ехать и нет времени, чтобы вызвать его из Севлиево, не остается ничего другого, как ехать мне, потому что нет времени искать какого-нибудь другого делегата, и потому что остается только несколько часов, чтобы он смог сообщить в тот же день о необходимости подготовить документы болгарского делегата для поездки.

Это не убедило меня и я еще раз попытался вырваться. Я спросил Гюрова: в чем состоит сущность этой миссии, является ли это приглашением на научную встречу и конференцию, так как Министерство Иностранных Дел часто обращается в таких случаях в Университету. Гюров самым настойчивым образом заявил, что это не является каким-либо приглашением на заседание или конференцию, а является правительственной миссией, утвержденной Министром - председателем и возложенной по его приказу на меня, и что, следовательно, я должен выполнить этот приказ:

Я пошел дальше и спросил Гюрова: если все же я не выполню этот приказ, какие тогда будут последствия? Несколько раздраженным тоном, объясняясь тем, что они выпустили из своих рук Москова и не хотели выпустить меня, он сказал: " Эх, сейчас война и правительство имеет возмож-

ность послать вас туда, куда захочет".

Тон, которым это было сказано и смысл, который я смог уловить, дали мне почувствовать, что действительно правительство твердо решило возложить на меня эту тяжелую миссию, и что я не могу избавиться от нее.

Сразу после этого Гюров привел меня к главному секретарю, которым в то время был Шишманов, являвшийся также и полномочным министром, и оставил меня у него. Гюров вышел, и я с ним больше не виделся до оформления документов. Однако, по этому вопросу разговора у меня с ним больше не было.

И Шишманов вел себя также, поскольку я начал говорить, что не желаю ехать, что нахожу себя еще недостаточно известным. Это был мой аргумент, в действительности однако, я не хотел брать на себя такую серьезную миссию. Я просил Шишманова, чтобы меня освободили от этой миссии. Он начал, так сказать, отцовским и братским тоном, что нередко Министерство Иностранных Дел при укомплектовании своих делегаций людьми соответствующей специальности, ищет содействия работников Университета, что университетские работники постоянно посылаются в ту или другую правительственную миссию, и что по специальности и по характеру работы в настоящее время теперь мне следует принять участие в этой миссии и т.д.

Я указал, что вопрос прежде всего имеет и служебную сторону. Я сказал, что для нас командировки за границу являются очень тяжелым делом. И в действительности, это было так. Разрешение должно было быть дано факуль-

тетским Советом, академическим Советом и т.д., по инстанции, и только после этого я мог поехать. Он, однако, сказал, что все эти формальности в данном случае не имеют никакого значения. И пусть предоставят им уладить все с университетским начальством, что он действительно - но сделал потом, написав письмо. Он сказал, что министр-председатель имеет право приказывать любому чиновнику и возложить на него ту или иную миссию. И действительно, потом Министерство Иностранных Дел написало письмо Университетскому правлению, что на меня возлагается такая миссия, что я должен ехать в служебном порядке, и что на эту миссию я был выдвинут руководителем института и кафедры, профессором Московым. Это письмо я представил и предполагаю, что оно находится в досье.

Я спросил Шишманова, в чем более конкретно заключается эта миссия, в чем будет заключаться там наша задача, что нужно будет делать. Он сказал, что по сведениям, полученным от немцев, в Катынском лесу около Смоленска были найдены массовые могилы, где были открыты трупы тысяч убитых польских офицеров и что немцы созывают международную медицинскую комиссию для расследования, чтобы определить состояние трупов и факты, связанные с состоянием этих трупов, в смысле выяснения причин смерти, давности трупов и проч.

Я снова ухватился за то обстоятельство, что речь идет о тысячах трупов и сказал Шишманову: Вы меня

посылаете исследовать тысячи трупов, эта работа потребует месяцев. Мы здесь в институте, если делаем утром вскрытие, то после обеда пишем протокол и это по меньшей мере занимает день. А для тысячи трупов потребуются месяцы.

Я не могу отрываться на такое продолжительное время от моей университетской работы. Шимманов сказал: " Вам не надо будет исследовать все трупы, дело уже начато и значительная часть трупов уже исследована."

- Уже исследована?

- Да, уже исследована.

Он это знал, он это сказал. ^{Он} Упомянул, что в этом деле участвует польский Красный Крест. Он сказал: " Немцы и польский Красный Крест исследуют трупы. Увидите, что сделано в этом отношении с извлеченными трупами. Вероятно будет составлен протокол - это было точным его выражением. Будет составлен, вероятно, протокол, который вы подпишите, как болгарский делегат, и вернетесь. Все ваше путешествие продлится не более одной недели или десяти дней. У вас в настоящее время пасхальный отпуск ?". Я сказал: " - Да, на две недели. -"Две недели. Ущерб университетской работе не будет. Вы возвратитесь до окончания отпуска".

Так и было. Все путешествие продолжалось 9 или 10 дней.

Я должен сказать, что это было для меня первым предупреждающим сигналом, кроме того чувства, которое высказал перед уважаемым судом и что почти было, инстинктивно чувствовал, что здесь есть что-то нечистое. От нас требовалось заключение о тысячах трупов и одновременно с этим,

посылая нас говорят нам: "Вам не надо смотреть все, поедете, посмотрите, что сделано, будет составлен протокол и вы его подпишите. Естественно, это не может быть исчерпывающим и добросовестным расследованием."

Шимманов вошел в соседнюю комнату, - которая, насколько я понял, являлась кабинетом Филова с дверью, обитой толстой кожей, как телефонные кабины, и сказал: "Доложу министру-председателю о Вашем присутствии".

Он вошел, поговорил о чем-то с ним, после чего вернулся и сказал мне: "Нет надобности в том, чтобы Вас принял министр-председатель. Вам желает он доброго пути". И на этом закончилось все дело.

Сразу после этого он вызвал какого-то чиновника паспортного отдела и поручил ему приготовить для меня специальный паспорт. Это был действительно паспорт, так называемый, специальный паспорт, который я тогда впервые увидел. Он не имел формы обыкновенной книжечки, какими бывают обыкновенные паспорта, а представлял только два листа синего цвета с надписью: "Специальный паспорт", а с другой стороны по-Французски "Паспор спесиал". В канцелярии тут же приготовили этот паспорт, хотя в этот день они были заняты другой работой. Я понял из рассказов, что готовятся к встрече какого-то венгерского министра, который должен был прибыть. Мне дали рассыльного, который тот час же повел меня в немецкую миссию, чтобы продолжить оформление паспорта.

Меня привели в немецкую миссию на углу улиц "Патриарх Ефтимий" и "Граф Игнатьев" к советнику миссии Морману. По манере, какой я был встречен, я понял, что он вероятно уже был предупрежден по телефону о моем приходе. "Вы доктор Марков?" - спросил он. Я ответил - да, и представил паспорт. Рассыльный ушел. Уже с ним разговор шел исключительно о паспорте. Он также принял паспорт, предложил мне анкету на немецком языке, которую надо было заполнить - Фрагебо - ген, как они их называют. Я заполнил ее еще там, в его комнате. Он сказал мне: "Будьте спокойны в отношении паспорта, мы его Вам pošлем завтра домой". Он пожелал мне доброго пути и хорошего выполнения миссии и на этом с паспортом было кончено. Он сказал мне также, что на другой день, значит в воскресенье, в первый день Пасхи, пришлет мне домой также билет для поездки на самолете по маршруту София - Берлин, сказав, что постараются отправить меня в понедельник, так как комиссия должна выехать из Берлина в среду. "Если не будет места, в крайнем случае отправитесь во вторник. Однако, можем оставить даже другого пассажира, чтобы вы отправились в понедельник".

В воскресенье, значит на пасху, я весь день провел дома. Утром пришел рассыльный Министерства Иностранных дел, ^{который} сказал мне, что получил паспорт, был с ним во всех миссиях, где нужно было получить транзитную визу, и принес мне его готовым для поездки. Немного спустя, тоже до обеда, пришел какой-то человек из германской миссии, рассыльный, который принес мне пассажирский билет.

На другой день утром я пошел к месту отправки, к Люфтханз, у гостиницы "Болгария", против Военного министерства. На автобусе этого общества я поехал на аэродром, сопровождаемый только своей женой, и к половине одиннадцатого или около одиннадцати, прибыл самолет из Салоник и я отправился в Берлин.

Остановка в Земуне. В момент, когда мы направлялись от самолета к аэропорту в ресторан, я увидел, что Славчо Загоров выходит из буфета аэропорта и направляется к самолету, отправляющемуся в Софию.

- В Земун?

- Да, в Земун. Со Славчо Загоровым я не был лично знаком, но создалось впечатление, что он знал обо мне, потому что внимательно посмотрел на меня. Я поздоровался с ним, но мы не остановились. Он сел на самолет, отправляющийся в Софию, а мы отправились после обеда. Остановка в Будапеште, остановка в Вене, и в половине седьмого или в семь часов вечера мы прибыли на Берлинский аэродром Темпельгоф.

Как только в Темпельгофе мы сошли с самолета, ко мне подошел молодой болгарин-чиновник миссии и представился мне - имени не помню, сказав мне, что послан нашей миссией в Берлине встретить меня, что они уже уведомлены по телефону Министерством иностранных дел о том, что пребывает болгарский делегат и поэтому ему было поручено встретить меня, и что меня ждет машина с немецким шофером, который меня доставит в гостиницу. Мы попрощались, я сел

в машину, а он пошел в другое место. Я направился прямо в гостиницу "Адлон" в Берлине.

Как только я вошел в вестибюль гостиницы, навстречу мне из глубины вестибюля направились два господина, один человек с неприятными манерами, а другой высокий, пожилой, блондин, немец северного типа. Этот высокий представился как председатель медицинского общества в Берлине и сказал, что ему поручено встречать прибывающих врачей, а другой - роковая и неприятная личность, как он представился, был так называемый директор Циц. Чтобы вам сказать раз и навсегда, кто был этот директор Циц, я вам скажу, что он именно и является организатором, как он сам заявил, этих международных расследований в Катыни, а потом, как я узнал от моего коллеги Михайлова, и в Виннице.

Он какой-то директор?

Директор Циц, как сам он сказал, не врач, однако он являлся директором отдела внешних сношений при Германском Министерстве народного здравоохранения. Он приветствовал нас, в частности, меня, от имени тогдашнего министра народного здравоохранения доктора Конти. Директор Циц далее в разговоре сам сказал, кто он и каков он, что он это - процентный национал-социалист, упомянул, что когда-то в прошлом работал в цирке. Какую там он карьеру сделал, точно не знаю, однако, он сохранил многое от цирковых нравов. Это человек, не вызывающий уважения, с развязными, неприятными манерами.

Он сам похвастал, что является инициатором организации этого международного расследования, что его идея была воспринята выше и что, так сказать, благодаря его идее, чуть ли не по его инициативе мы находимся в Берлине.

Некоторые из делегатов уже прибыли, а спустя час, вечерним поездом приехало еще несколько делегатов. На другой день утром приехали остальные делегаты и собрались все в отеле "Адлон", а некоторые разместились в соседней гостинице, не знаю, как она называется. Однако, все собирались в вестибюле гостиницы "Адлон". Кроме меня, были делегаты от Румынии доктор Биркле, который сказал, что является главным судебным врачом в румынском министерстве правосудия и одновременно первым ассистентом судебно-медицинского института в Бухаресте; доктор Милославич, профессор по судебной медицине в Загребе. Милославич является немецким воспитанником, типичным представителем венской школы, я бы сказал добряком, который интересовался главным образом хорошим меню и был учеником покойного Геберда; он был профессором, как он говорил, в Америке, и когда стало возможно, вернулся в Югославию. По возвращении он принял кафедру судебной медицины в Загребе. От Венгрии участвовал профессор Орзош Ференц, человек около 60-ти лет, говоривший, что он был военнопленным в России в первую войну и был в Сибири. Он, в частности, рассказывал о красоте сибирской природы, и т.д. и говорил хорошо по-русски. Он был, так сказать, по возрасту дуаиеном делегации, а также по той роли, которую он играл.

Со стороны Словакии участвовал проф. Шубик, специалист по патологической анатомии, а также директор народного здравоохранения при правительстве Тисо. Со стороны Чехии / хотя немцы избегали употреблять слово Чехия, они говорили только протекторат и под таким названием записывали всегда коллегу, который так о себе и сообщал / участвовал профессор Гаек из Чешского университета в Праге; со стороны Италии профессор Палмиери, из Неаполя, профессор судебной медицины. Со стороны Швейцарии профессор Навиль, профессор судебной медицины в Женеве; с французской стороны профессор Костедуа из Парижа; с бельгийской стороны профессор Спелеро из Гента; с Голландской стороны профессор Дебурлет из университета Гронинген; от Дании доктор Трамсен, доцент и ассистент при университете в Копенгагене и от Финляндии профессор Саксен по патологической анатомии.

Все мы были в гражданском, за исключением последних двоих, о которых я говорил - финна проф. Саксена и датчанина доктора Трамсена, которые были в военной форме. Трамсен был в форме морского офицера. Сообщили, что из Швеции выехал делегат, однако на пути с ним случилось несчастье. Никто не сказал, какое несчастье, но во всяком случае было об"явлено, что будет присутствовать шведский делегат, но он не прибыл. В день моего прибытия, поздно вечером прибыл проф. Пига из Мадрида, очень пожилой человек, может быть в возрасте не менее 70 лет, очень дряхлого

вида. Мы познакомились, и после этого он исчез. Утром сообщили, что профессор Пига из-за своего преклонного возраста и потому, что путешествие от Мадрида до Берлина его утомило, не примет участия в поездке в Смоленск. И профессор Пига не принял участия в расследовании. Я лично сомневался, что дело только в его преклонном возрасте и в большом утомлении с дороги, потому что слышал, что на следующий день утром он ходил в испанскую миссию и когда вернулся, то сказал, что утомлен и не может принять участие в расследовании. По указанию ли своего правительства или мотивируя своим преклонным возрастом, но так или иначе он не принял участия в расследовании, в чем, конечно, многие из нас ему завидовали, а больше всех я.

На следующий день все были в Берлине. Это было во вторник. На следующее утро я взял такси и отправился в Болгарскую миссию, чтобы сообщить, что я приехал. Как я уже сказал, министр отправился в Софию. Они это также подтвердили. Принял меня секретарь Смедовский. Я попытался у него узнать, не знает ли он еще чего-нибудь о сущности этого расследования, и вообще, что знают об этом в нашей миссии. Он был или крайне сдержан или не знал, но сказал мне только то, что знали и в Софии, что найдены две ямы с трупами и что немцы захотели произвести расследование на месте.

Этим кончилось мое посещение Смедовского. Я вернулся в гостиницу. После обеда мы были, так сказать, свободны. Мы разбрелись по городу. На утро следующего дня, в среду, был назначен отъезд в Смоленск. К гостинице подъезжало, кажется, два автобуса; мы сели в них. Вместе с нами ехал

и неизменный директор Циц, который был всегда с нами неотлучно, со времени приезда до самого отъезда.

Автобусы нас отвезли в аэропорт Темпельгоф, на его военную часть, там мы увидели приготовленные два двухмоторных пассажирских самолета, управляемых военными лицами, и целую группу людей в военной форме.

Это все еще в Берлине?

- Мы еще в Берлине. Нас, делегатов иностранных государств, как я сказал, было 13 человек. Самолеты вмещали по 20-25 человек. Значит всего отправилось 50 человек. Мы делегаты были разделены на две части - одна часть, несколько человек, в один самолет, другая часть - в другой самолет. Вместе с нами, как я вам сказал, были и другие люди: немцы в форме и т.д. Из этих людей только двое познакомились с нами. Один был в гражданском, представившийся нам, как атташе Министерства иностранных дел. Я вспоминаю его имя, он назывался Дитрих; а другой был полный человек низкого роста, какой-то аристократ, барон, но его имя я не могу вспомнить сейчас. Вообще я его не запомнил.

Позднее, во время самой поездки, мы поняли, что несколько человек из наших спутников - журналисты и фоторепортеры, они также были в военной форме. О всей этой группе людей, может быть около 30 человек, никто не знал, кем они являются, и никто из них не познакомился с нами и не пытался вступать в контакт с нами, и даже, когда с ними заговаривали, они не выражали желания вступать в разговор. Вообще они держались осторожно, и как я сказал, были в военной форме. Если с ними заговаривали, они

отвечали как можно короче. И мое впечатление было таково, что это были люди из немецкой военной полиции, назначенные сопровождать нас все время.

Более того, у меня сложилось впечатление, что они были прикреплены к каждому делегату. Я лично различал около себя две-три физиономии, которые находились неизменно возле меня при всех обстоятельствах, в которых я оказывался во время нашего путешествия.

Мы сели в самолеты и отправились по маршруту Берлин-Варшава. К обеду приземлились на аэродроме в Варшаве. Нас встретил комендант аэродрома пожилой немецкий военный, который, услышав, что я называюсь Марков, сразу подошел и спросил меня, не имею ли я что-нибудь общего с генералом Марковым, бывшим адъютантом царя, которого он знал, как участника первой войны. Я сказал, что ничего общего с ним не имею, что это только совпадение фамилий.

Обедали мы на Варшавском аэродроме, находились там по меньшей мере полтора часа. На аэродроме имелись автобусы, я видел их; было также много и легковых автомашин. Некоторые делегаты пожелали отправиться в Варшаву, чтобы посмотреть город, однако, нам сразу было отказано, якобы из-за недостатка времени. Но как я Вам сказал, время имелось, так как весь наш обед продолжался не больше 15-20 минут.

Всем ли делегатам, таким образом, было отказано войти в контакт и в просьбе пойти в город, или только вам, болгарам?

- Я был единственным болгаринном, других не было.

Мы попросили группой во время обеда; не помню точно, кто обратился первый, но все поддержали это дело...

- И всем отказали?

- Желание было общим и отказ был общим. Сказали, что нет времени. После того как сказали, что нет времени, мы ждали около часа. Значит, для прогулки в Варшаву было время. Но очевидно не хотели нас пускать в город.

К полутора-двум часам после этого сели в самолеты, чтобы совершить второй этап путешествия: от Варшавы до Смоленска. После того, как миновали Восточно-Польскую степь, которая продолжалась до Брест-Литовка, начались пространства лесов и болот, известные как Припятские болота. У меня и у всех у нас создалось впечатление, что в этом месте самолеты летели чрезвычайно низко. Когда мы обратились к немцам и спросили, почему это так, последние ответили, что скажут нам, когда прибудем в Смоленск. Действительно, в Смоленске нам сказали: что леса полны партизанами и что когда самолеты летят над деревьями, тогда партизаны, окруженные деревьями, не имеют обзора и лишены возможности стрелять, а иначе они стали бы стрелять по самолетам. Это одно. И второе - когда самолеты летят очень низко, они не могут подвергнуться нападению истребителей, которые не имеют возможности летать так низко.

Как бы то ни было, безо всяких происшествий и неприятностей, мы прибыли в Смоленск на аэродром к вечеру, может быть к пяти с половиной часам; уже смеркалось.

На Смоленском аэродроме мы были встречены генералом, штабным врачом Гольм, который был главным военным врачом на германском участке и носил генеральскую форму с красной подкладкой. Это был холодный немец, который об"явил, что мы являемся его гостями. Вместе с Гольмом на аэродроме находился также и профессор Бутц и его помощники. Вспоминаю Шмидта, его доцента и его ассистентов, двух-трех человек, фамилии которых не припомню. Были и военные лица на аэродроме, которых я не знал и с которыми нас не познакомили.

Несколько слов о Бутце. Это профессор судебной медицины из Университета в Бреслау. Бутц был стопроцентным национал-социалистом. Он был, так сказать, Факфюрером, что значит партийный руководитель этой судебно-медицинской специальности. Очевидно, он сделал свою карьеру, главным образом в партии. Офицер запаса, артиллерист, участник первой войны, думаю, что он имел чин майора, как артиллерист и был ранен в этой войне, как он сам об"яснил. Бутц и его помощники руководили уже начатой работой по раскопке Катынских могил. Кроме этого, в Смоленске был устроен так называемый фельдлабораториум - походная лаборатория. В сущности, это был хорошо оборудованный, богатый инструментами, судебный институт, какого мы не имеем здесь, хотя он там назывался походной лабораторией.

Нас встретили, посадили в автобусы и повезли в центр Смоленска. К большому зданию, которое, как сказали нам, являлось бывшей гостиницей "Малаков". Так она называлась в Смоленске. Смоленск представлял собой чрезвычайно печаль.

ную картину, которая походила на центральную часть Софии, квартал Мария-Луиза - одни сгоревшие здания, кое-где сохранившиеся более массивные здания, как, например, эта гостиница "Малаков", которую немцы подремонтировали для своих целей. В стороне на холмах сохранились дома старого русского типа. Сохранился известный Смоленский собор, один угол которого, однако, был разрушен.

Улицы города были пусты. Проезжая в автобусе мы видели кое-где кого-либо из местных жителей, которые являли собой самую жалкую картину; люди буквально были закутаны в тряпье. Эти люди, имевшие удрученный вид, были достойны сожаления.

Мы прибыли в эту гостиницу "Малаков", которая была превращена в место ночлега проходящих на фронт германских военных и отпускников с фронта. Как только мы вошли, внизу нас зарегистрировал один солдат, и после этого каждому из нас дали по два одеяла. Обстановка была чисто военной. Мебель комнат состояла только из деревянных нар, нары были даже в два этажа. Я едва забрался на верхние нары. Имелись только соломенный матрац, подушка без наволочки и два одеяла, данные под расписку внизу, которые нужно было вернуть потом.

После того, как была выполнена эта процедура - запись и раздача одеял - Бутц нас собрал в вестибюле гостиницы и самым серьезным образом нас предупредил, что мы находимся недалеко от фронта, в военной зоне, и что мы не имеем специального разрешения выходить одни из города и если выйдем из города без сопровождения германских военных лиц, то " рискуете, сказал он, - попасть в руки военной полиции, и

и может с вами случиться, что исчезнете даже на несколько дней, пока мы вас не разыщем". Чтобы не иметь таких неприятностей, об этом говорю только вам, никто не должен отделяться от нас". И действительно так и было. Все время нас неотлучно сопровождал Бутц и все те наши спутники, которые сели еще в Берлине.

По Смоленску мы всегда ездили только на автобусе. Дело дошло до парадокса, мы были в центре России, а русские не видели и не могли в Смоленске обменяться словом ни мы с ними, ни они с нами. Единственное, что нам пожелали показать, так это Смоленский собор, куда нас водил один архитектор в военной форме. Этим преследовалась цель показать, что Смоленский собор построен германскими архитекторами в стиле барокко и что великолепная резьба была делом мастеров, вышедших из Германии. Так по крайней мере нам объяснили.

Вечером нас посадили в автобус, после того, как мы после дороги помылись наверху и нас отвезли куда-то в город, куда точно, нельзя было понять, было темно. Ввели в одно помещение, напоминающее большой больничный барак, где был устроен обед от имени генерала Гольма, главного врача, о котором я вам говорил. Он заявил, что мы его гости. Затем мы вернулись в гостиницу.

Может быть я рассказываю слишком подробно.

- Сделаем перерыв, когда закончите со Смоленском. Вы нам скажете, когда закончите со Смоленском и перейдете к Катыни.

- Утром пришел автобус, который должен был нас отвезти на место происхождения, которое находилось в 20 километрах

от Смоленска. Здесь именно, если хотите, можно остановиться.

- Перерыв на 10 минут. После чего заседание будет продолжаться.

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА.

Председатель: Заседание продолжается. Продолжайте г-н доктор Марков.

Подсудимый д-р М.Марков: Как я сказал, в первый день нашего пребывания в Смоленске, утром, к дому, где мы ночевали, подошел автобус. Мы все сели и он нас отвез в Катынский лес, расположенный в 20 километрах от Смоленска. Мы проехали мимо моста, мимо вокзала, а затем вверх по течению Днепра, который идет параллельно шоссе, а затем вверх по течению Днепра, который идет параллельно шоссе. Местность представляет собой местами лес, местами обработанные мелкие поля, между которых разбросаны отдельные дома.

Вообще говоря, компактных деревень в нашем понимании я там не видел. Я заметил такой тип поселения: отдельные обработанные пространства, на которых имеется по нескольку домов. Леса, которые встречаются в этой местности, как и Катынский лес, - хвойные. Деревья той породы, какую я видел повсюду в северных областях в Германии и в Польше; эта порода похожа на нашу ель, только ствол вверху разветвляется. Сам Катынский лес, я бы сказал, не больше чем наш княжеский ^всосновый лес, только более редкий, неравномерно посаженный, вообще имеет вид естественного леса, а не леса, который посажен. Этот лес находится между дорогой, по которой мы приехали - хорошее асфальтированное шоссе - и рекой Днепр. Часть леса, примыкающая к шоссе, возможно нестирается не более 2-3 километров, а по берегу Днепра лес тянется около километра.

С шоссе виден был остаток какой-то деревянной изгороди, плохо сохранившейся. Мы спросили, почему лес огорожен. Немцы дали нам такое объяснение - что этот лес охранялся издавна, как место, куда приезжали высшие чиновники из полицейского управления, от ГПУ, на какую-то дачу на Днепре, где проводили отдых, поэтому этот лес огорожен.

Только проселочная дорога вела от шоссе через лес к берегу Днепра, где действительно имелась двухэтажная деревянная дача в русском стиле.

У входа в лес, где дорога ответвляется, чтобы войти в лес, имелась надпись по-немецки, что вход для посторонних воспрещен, включая и немецких военных лиц, кроме тех, которые направляются организованно. Там был поставлен часовой.

Мы вехали на автобусе на эту проселочную дорогу. Приблизительно через сотню метров наш автобус остановился. Справа тоже стоял часовой. Место было огорожено проволокой и видны были разрытые большие могилы, вокруг которых работали люди. Запах был очень сильный, почти невыносимый, чувствовался еще издалека, как только человек приближался к месту могил, однако, мух еще не было, так как, хотя был сравнительно солнечный день и погода была теплая, видно, что в местных условиях мухи еще не могли развиться.

Сойдя с автобуса, мы сразу прошли через это огороженное проволокой место и вошли туда, где нам предстояло работать. На этом месте Бутц собрал нас и сказал, что здесь именно находятся могилы, которые являются целью нашего посещения,

что здесь, на этом месте он работал со своими помощниками, но при этом сделал вид, что будто эта работа их дальше особенно не интересует и они передали ее местному польскому Красному Кресту. Он, однако, не назвал его Польский Красный Крест / вместо слова Польша употреблялось название : Главное губернаторство /, а назвал его каким-то местным комитетом взаимопомощи или чем-то подобным, и, чтобы было яснее, добавил: " Это называется " Польский Красный Крест".

Действительно, он показал нам несколько гражданских лиц, работавших здесь, о которых он сказал, что они из этого польского Красного Креста. Я специально спросил, есть ли врачи среди них? Он указал мне только на одного молодого человека, невысокого, с неславянской физиономией.

- А в самом деле, кто был этот человек, славянин или немец?

- Я заговорил с ним. Он сказал, что является ассистентом Института судебной медицины при Университете в Кракове. Из врачей только одного этого молодого человека нам показали, который был из Института в Кракове и участвовал в этой комиссии Польского Красного Креста.

Я спросил, что делает здесь Польский Красный Крест? - Производит аутопсию трупов? Помню, что еще кто-то задал этот вопрос: производится ли аутопсия трупов? Поляки интересуются идентификацией трупов и при установлении имени об"являют польскому населению через печать. Так ли это? Я нигде не

видел об"явленные польские имена каких-то опознанных трупов. Бутц, однако, нас уверял, что около половины трупов, которые были вынуты до этого времени, были успешно идентифицированы Польским Красным Крестом.

Надо сказать, что еще прежде, чем прибыть на место, в Смоленск, нам роздали один или два листа, написанные на пишущей машинке и литографированные, в которых, так сказать, немцы описывали историю всего этого дела. Они утверждали / насколько я помню, то, что было написано на этих листах/, что открытие этих могил имело место задолго до нашего приезда, даже, думаю, что еще в 1942 г., и произошло следующим образом.

Германские части проезжали эти места и вместе с ними ехали польские военнопленные, которые обслуживали немецкие части. Эти именно польские пленные вошли в контакт с местным населением и местные жители сказали им, что здесь имеется массовая могила, где похоронены их люди. Польские пленные, сказали это немецким властям. Почему, однако, раскопки начались так поздно, только весной, в конце апреля, они нам не об"яснили. Как я вам сказал, только в конце апреля они начали раскопки.

- Однако, это является сведениями, данными вам теми, кто вас привел?

- Да, эти сведения исходят от немцев.

- Вы их не проверяли?

- Нет, мы не имели никакой возможности. Там рассказывали также, что немецкие военные власти нашли свидетелей

по этому делу и распросили, и это те же самые свидетели, которых они привели, чтобы представить их нам.

Это было, так сказать, вводное слово Бутца, чтобы ввести, так сказать, нас в дело...

Какова была самая обстановка?

На определенном месте лес был частично вырублен и имелось пространство, может быть в несколько раз больше этого зала. Там стоял деревянный барак, очевидно, более старый, потому что доски не были новые. Существовал ли он раньше или они его выстроили несколько времени тому назад, это не было известно.

Как только войдешь на это расширенное место, с правой стороны была видна очень большая и совсем свежая яма, на дно которой уже был положен слой трупов, но еще не засыпан. Эта яма была, может быть, не меньше, чем этот зал. Это была новая яма, потому что они сказали, что поляки вынимают трупы, конечно с участием и под контролем немцев, и там на каждом трупе вешают жестяной номер, осматривают одежду, чтобы найти бумаги, эти бумаги сохраняют в специальном конверте, который имеет тот же номер, что и труп, "еркенунгснумер", как выражаются они. И после осмотра трупов, укладывают их снова в яму.

Значит, первое, что бросилось нам в глаза, была новая яма, которую рыли русские пленные и несколько молодых девушек, бывших в гражданской одежде, видно из местного населения; во всяком случае они не были в военной форме

Русские пленные, которые работали там рядом с этой ямой, рыли другую, чтобы положить снова трупы. Перед этим нам показали две отдельные небольшие могилы, уже засыпанные, и утверждали, что здесь трупы двух польских генералов, которые были идентифицированы и уже похоронены, как я вам сказал в отдельных могилах, и мы, естественно, их не видели, потому что они были уже зарыты.

Все пространство вокруг этой ямы и вырытых новых ям, было усеяно вынутыми и положенными в ряд на земле трупами. Я считаю, что этих трупов было не меньше...

- Сколько было вынуто трупов?

- Предполагаю, что вынуто было не меньше, чем 200.

И на дне другой ямы было около 200 трупов, уложенных в ряд и не засыпанных. Другие ямы, прежние, старые ямы были разрыты. По сведениям, которые нам дали немцы, до нашего приезда было вынуто около 800 трупов. Точное количество не могу сказать.

Однако, припоминая, что труп, который я взял для аутопсии, имел № 827.

Пока мы находились там, за эти два дня было вынуто еще 100-150 трупов, так что, как это отмечено в протоколе, до того дня, когда протокол был окончательно составлен, было вынуто всего около 1000 или 900 с лишним трупов.

Однако, мы не присутствовали при выемке всех этих трупов, а только при выемке тех, которых мы лично, как я вам скажу дальше, могли видеть и аутопсировать. Дело началось с осмотра самого места. Было вскрыто уже несколько

могил. Точное количество не могу припомнить. В протоколе указано семь. Возможно, что было действительно семь, но я вспоминаю только 4-5 ям. Самая близкая новая яма, которая была в стороне и о которой я упомянул в самом начале, имела форму буквы "Г", возможно ее длинное плечо было около 20 метров, а короткое плечо около 10 метров, шириной она была в половину этого зала, значит несколько метров, а глубиной не меньше высоты обыкновенной комнаты, значит около 3 метров.

Если принять во внимание, как были уложены трупы, и вычислить приблизительно, сколько трупов имеет один слой, то можно сказать, что только в этой яме имелось около 1200 трупов.

- 1200 трупов?

- В этой образной "Г" яме считалось, что имеется около 1200 трупов.

Адвокат П.Денев: Так как здесь употребляются выражения "яма" и "могила", то нужно внести ясность. Он сказал, что рыли ямы, куда бросали осмотренные трупы, а отдельно говорил о могилах, где находились трупы. Пусть обвиняемый установит различие между словами "могила" и "ямы".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ответьте нам, имеется ли какое-либо различие между словами "могила" и "ямы", так как в Вашем изложении употребляются эти слова.

- Я не вкладывал никакого различия.

АДВОКАТ: П.Денев: Вы сказали, что рыли новые ямы, чтобы сбрасывать трупы в них.

- Это ямы.

- Вы говорите о ямах, куда сбрасывались осмотренные трупы, да? И говорите о могилах, откуда вынимались трупы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда употребляется слово "яма", то будем понимать этот как место, куда сбрасывались аутопсированные трупы, а "могилы" - откуда вынимались трупы.

- Да. Я говорил о могилах, об этих, так называемых, массовых могилах. Как я упомянул, это самая большая могила, имеющая форму буквы "Г", которая, как я вам сказал, по приблизительным вычислениям на глаз, должна была содержать около 1200 трупов.

Трупы были уложены буквально так, как укладываются сардины в банках, слоями без какой бы то ни было земли между ними; уложены слоями.

Это особенно хорошо можно было видеть, так сказать, в поперечном разрезе, в тех условиях, когда одна часть трупов из этой большой могилы была вынута и оставшиеся слои представляли нечто вроде стены в почти поперечном разрезе.

Припоминаю, что эти трупы были уложены головами - череп к черепу так, как укладываются арбузы. Никакого пространства не было между ними. В то время имелся даже маленький снимок, который точно выражал этот вид и который давал самое ясное представление, как уложены эти трупы в яме. Эти снимки я представил вместе с протоколом

в Министерство Иностранных Дел. Мне не известно, находятся ли они в моем досье и затребованы ли они из Министерства Иностранных Дел. Это было несколько маленьких снимков, но они давали самое ясное представление, как были уложены трупы. Лучше всего, если Вы представите себе банку с сардинами. Буквально труп к трупу.

Можно было видеть определенный порядок в укладывании трупов. Они были уложены лицом вниз, уложены рядом голова к голове, нога к ноге. Только в этой большой могиле в середине можно было видеть несколько неправильное распределение, несколько неправильное расположение, но несомненно было, что они укладывались слой за слоем, один, возле другого по порядку.

Мы перешли и к другим могилам. Надо сказать, что местность имеет небольшой наклон к Днепру, так что одна из могил, а именно та, самая большая, стояла по уровню выше других.

- От уровня реки?

- От уровня реки, бесспорно.

Но вообще, эта главная большая могила стояла по своему расположению выше, а другие по уровню были ниже и поэтому в протоколе было сказано, что они расположены террасообразно, ступенеобразно.

На одном пространстве, может быть не более 100 метров в окружности, было раскрыто еще несколько могил. Это были значительно более мелкие могилы. Некоторые из них имели размер обыкновенной комнаты, размер 4 x 5 метров, 5 x 6 и

8 метров. Глубина всех была приблизительно, как высота комнаты, - значит около 3-3 1/2 метров.

Те, которые были расположены ниже, вероятно доходили до подпочвенной воды, так как на дне тех, которые были раскрыты, была видна плесень и там трупы лежали во влаге, в воде, очевидно они соприкасались с подпочвенной водой.

Несколько слов о почве. Это была желтоватая, песчано-глинистая почва, какую в Болгарии мы не привыкли видеть - почва, которая состоит из песка и глины. После того, как мы осмотрели расположенные таким образом и уже раскрытые могилы, Бутц повел нас еще на некоторые соседние места. Там, среди леса между большими деревьями, действительно видны были некоторые прогалины.

- Просеки?

- Некоторые сравнительно полые пространства. Я бы не сказал просеки, так как не видно было, чтобы было вырублено, но пространства, где больших деревьев нет; т.е. по внешнему виду они ничем не отличались от окружающей обстановки; дождь и снег уничтожили всю разницу. По этим прогалинам кое-где росли хилые деревца, такие же самые сосновые деревца, высотой с полметра, а некоторые и до метра, но было видно, что это молодые деревца.

Бутц сказал, что могилы, которые были разрыты, были открыты именно в таких местах, где имелись прогалины, поросшие такими отдельными мелкими деревцами. Из этого он сделал заключение, что и на этих местах, если будут копать, вероятно найдут массовые могилы. Однако, в нашем

присутствии ни одного такого места не было раскопано и мы не видели, чтобы при нас была открыта новая могила, которая, так сказать, впервые была бы раскрыта перед нами.

После того, как мы закончили обход могил, мы вошли в ряды между вынутыми и разложенными трупами и там начали их осматривать. Одежда была очевидно польская военная. Лица, более сведущие, по знакам различали в темно-синей форме чины. Шапки встречались реже, в большинстве случаев сплюснутые. Не помню, чтобы я видел шапки на головах. Сплюснутые можно было найти между трупами, а также можно было найти пояса, ремни, сапоги, краги, застегнутые шинели, зимнюю одежду. У некоторых под шинелями находились меховые жилеты, завернутые кашне, свитера, все это говорило вообще о зимней одежде.

При осмотре внимание Бутца было сосредоточено главным образом на демонстрации, которую Бутц и его люди производили, показывая специальные ранения в затылок. Действительно, во всех этих случаях они нам показывали массовое расположение....

- Я вас прерву немного, так как вы говорите об одежде, могли ли бы вы сказать нам, из какой материи состояла одежда, хлопчатобумажной или шерстяной?

- Шерсть, сукно военного типа, грубое, одежда военного типа.

- Видно ли было из какой материи было нижнее белье?

- Припоминаю, что нижнее белье состояло из бумажного трикотажа, того же типа, который у нас называется "егеровы", какое ношу и я. Вот какое белье они имели. Припо-

минаю, что кальсоны их были из того же материала.

- Можно ли было определить какова материя?

- Хлопчатобумажная. Белье было хлопчатобумажное, а верхняя одежда была очень хорошо сохранившейся, особенно шинели, куртки, обувь. Некоторые носили краги, а другие - высокую обувь и обмотки. Некоторые имели гамашы. Они так хорошо сохранились, что после чистки могли быть использованы.

- Была ли такой сохранившейся одежда?

- Одежда также была хорошо сохранившейся. Пуговицы были в порядке. Одежду можно было растегнуть и снять, как это делалось в случаях аутопсирования.

- Я спрашиваю, в частности, о нижнем белье, из чего оно было сделано, сохранилось ли?

- Припоминаю, что нижнее белье сохранилось; когда раздевали трупы, нижнее белье было сохранившимся и его можно было снять.

- Не расползалось?

- Не расползалось.

- Припоминаете ли из какой материи было нижнее белье?

- Обо всех не могу сказать, но что некоторые носили такое же тонкое трикотажное белье, какое носим мы, это действительно я припоминаю. Не могу сказать, что все были в таком же нижнем белье.

- Но это была хлопчатобумажная материя?

- Да. Помню, что у всех было хлопчатобумажное белье.

Те ранения, которые Бутц силился повсюду показать нам, действительно были расположены, главным образом, сзади, в тыловой части, низко и в верхней части, на лбу, где-то на границе между лбом и волосами, находилось выходное отверстие. На некоторых из черепов, непосредственно около тылового отверстия, где был вход пули, можно было заметить небольшое почернение самой кости. Обыкновенно от этих отверстий отходили трещины, которые различным способом разветвлялись так, что отдельные куски черепа отваливались. Лица всех были сжаты, смяты, сморщены от разложения. У некоторых уже начали показываться черепные кости, лицевые кости, например, у некоторых торчали носы, челюсти, скулы или сползла черепная оболочка и лоб оголялся, показывая дыру, о какой я вам говорил.

После этого общего осмотра трупов....

ЧЛЕН СУДА: Говорите, сморщенные лица? Значит, это отображало ужас.

- Не берусь настаивать, что имелось некоторое выражение ужаса и т.д. Но от разложения они были сжаты, поскольку вообще сохранились мягкие части; жировые мягкие части начали разлагаться, носы, челюсти и скулы стали оголяться а часть жиров превращаться в мыло, как это обыкновенно бывает в таких случаях. Кое-где между этими сохранившимися мягкими частями торчали оголенные кости.

АДВОКАТ П.Денев: Мускулатура видна была?

- К этому вопросу я еще вернусь, когда буду говорить об аутопсии, которую мы проделали на второй день. Чтобы

не потерять нить, я иду в хронологическом порядке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да.

- После этого общего осмотра, который мы сделали, Бутц сказал, что он приведет свидетелей, раскрывших это дело. И действительно, на меня произвело впечатление, что когда мы сошли на проселочную дорогу, с правой стороны были ямы и могилы, а с левой стороны мы увидели около 5-6 гражданских лиц, окруженных германскими военными. Очевидно, они были под стражей.

Бутц сделал знак, военные привели этих лиц. Их было 5 или 6 человек. Вперед вышел Орзош и стал говорить по-русски. Тогда мы поняли, что он говорит хорошо по-русски. Первый "свидетель", сказано в кавычках, которого он допросил, это был старик, очень преклонного возраста.

- Из той группы, которая была под охраной?

- Их привели всех вместе. Поставили под охраной под дерево. Они были окружены проволокой, пока совершалось все это дело. После этого вывели одного вперед, на 10-15 шагов от нас.

Первый свидетель которого привели, это был старик, может быть по моей оценке 65-70 лет, со сморщенным лицом. Это же лицо было показано на первой странице "Сигнала". Вся страница "Сигнала" была занята лицом этого старика. Он назвал свое имя, русское имя, однако, имя я не могу вспомнить.

Этот старик рассказывал, что он местный житель, жил будто бы недалеко от этого места, и он утверждал,

что весной 1940 г., в марте-апреле / говорили, что там за шоссе, в километрах 2 или 5 не больше, находится станция "Гнездово"/ на ближайшую станцию "Гнездово" прибыли поезда^{ва} из глубины России, и в каждом поезде имелось 2-3 вагона наполненных польскими офицерами. Они выходили на станции со своим багажом. Оттуда отвозили их в закрытых грузовиках по направлению к Катынскому лесу. Что происходило там свидетель не мог утверждать, потому что он не присутствовал, но он сказал, что он слышал выстрелы и больше ничего не знает, что случилось с лицами, привезенными в этот лес.

Вот все, что сказал нам этот свидетель. Это едва ли длилось минуту-две. Тут же вызвали второе лицо: мужчину, немного хмурого вида, в фуражке, в возрасте 35-40 лет. Поскольку я понял, он был рабочий ж.д. станции.

- И он тоже был поляк?

- Нет, они утверждали, что они местные. Это были русские. Там около Смоленска поляков нет. Это чисто русское население. Он подтвердил буквально почти те же самые слова и те же утверждения, как и предыдущий свидетель.

Тогда Бутц и Орзош сказали: " Вы видите очевидное единодушие свидетелей. Этого достаточно". Остальных же свидетелей не допрашивали. И никто из нас не имел возможности войти в личный контакт с этими свидетелями. Тут же их отстранили, тут же охрана их отвела и больше мы их не видели. Это был допрос свидетелей.

Я понял, что эти свидетели были те же самые, которые

дали сведения немцам; те предварительные сведения, которые нам были заранее розданы. Там приводились эти показания, которые они нам дали.

После того, как закончили эту работу, Бутц сказал нам, что кроме этих массовых могил, в которых, как они утверждают, были зарыты польские офицеры, слева от проселочной дороги, по которой мы прибыли, имелись якобы отдельные могилы, в которых они нашли похороненными гражданских лиц, и нас отвели на сотню шагов к месту между сосен. И действительно на одном очень неглубоком месте, приблизительно полметра, песок и глина были разрыты и нам показали один или два трупа. Думаю, что видели два трупа, только близко один от другого.

Об этих трупах немцы заявляли, что это трупы русских гражданских лиц, которые были зарыты там в этом лесу еще до прихода немцев, как я уже сказал, в лесу, охранявшемся прежде и недоступном для посторонних лиц.

Я тут же должен сказать, однако, что эти трупы с завязанными назад руками. Они действительно нам показали. Один из них имел какой-то мешок на голове. Этот мешок был привязан за шею, а руки сзади привязаны этой же веревкой. Однако, трупы, по своему состоянию ничем не отличались от состояния тех трупов, которые мы видели в так называемых массовых могилах польских офицеров. Следовательно, утверждение, что эти трупы более стары, чем трупы, которые были, так сказать, предметом расследования, — объективно не подтвердилось. Они были по своему состоянию вполне одинаковы. Действительно, на них была гражданская одежда.

Вспоминаю, что один из них имел и галоши.

После того, как это было закончено, мы вернулись снова на прежнее место. Нам сказали, садиться в автобус, и пока мы собирали наши пальто и одежду, оставленные на деревьях, пока группа собиралась, чтобы садиться в автобус, я воспользовался моментом, чтобы связаться с человеком, которого Бутц рекомендовал мне как ассистента Краковского судебного медицинского института. Я начал говорить с ним сперва по-болгарски. Он пробормотал несколько слов. Я понял, что это не русский язык, а польский, не знаю точно, польский ли язык, но во всяком случае славянский язык. Тогда я обратился к нему на немецком языке, он сказал, что он действительно ассистент Краковского института судебной медицины. Я спросил, сколько трупов вы думаете похоронено здесь? Он ответил: "около 6 тысяч". В это время военные лица, которые все время мелькали около нас, приблизились, и он, не попрощавшись со мною, прервал разговор и пошел к этой группе, которая занималась, как представители польского Красного Креста", осмотром трупов и укладыванием их в новые ямы.

- Как вы предполагаете, почему он перестал разговаривать с вами?

- Моим впечатлением было - / это было столь очевидно и было яснее ясного /, что этому человеку было запрещено разговаривать с нами. И он вообще боялся поддерживать какой-нибудь контакт с нами. Я не смел больше настаивать так как рисковал навлечь на него какую-нибудь неприятность. Во всяком случае, он ушел. И единственное, что я

мог узнать от него, это то, что он предполагает, что трупов было около шести тысяч.

Относительно количества трупов, должен сказать, - так как я упомянул цифру шесть тысяч, что когда немцы давали нам сведения, они говорили о 8 тысячах. Однако, впоследствии немцы начали говорить о 10-12 тысячах. Сколько точно, я думаю, до конца осталось неустановленным, так как потом я читал в газетах, что после того, как дело продолжалось, летом они должны были закрыть ямы, ввиду того, что запах от них становился нестерпимым и все могилы остались недоисследованными.

Несомненно, однако, что вопрос шел о тысячах трупов, потому что, как я уже сказал, только в первой большой могиле, имевшей форму буквы "Г" было около 1200 трупов. А те несколько других, которые имели размер комнаты, в них было также по несколько сот, а может быть даже тысяч трупов в каждой такой могиле. Так что правильно может быть то, что сказал этот молодой поляк, что действительно речь шла не менее, чем о 6 тысячах трупов, как он мне сказал.

Я имел намерение спросить его и о других вещах и поэтому именно я вступил в разговор с ним. Я хотел спросить, считает ли он, что эти люди его земляки и какова должна быть их судьба, потому что хотя они и пленные, но поляки должны были иметь связь с этими людьми. К сожалению, он прервал разговор потому, что люди, которые ходили все время вокруг нас, приблизились, и он удалился, буквально не попрощавшись со мной.

Мы сели в автобус. Но должен сказать, что вместо города нас провезли по проселочной дороге, через лес, к Днепру, говоря, что в этой даче, о которой я упоминал, которая якобы принадлежала ГПУ, высшим чиновникам и т.д., в этой даче в данный момент был устроен штаб какого-то немецкого полка, и так как мы находились в его районе, вроде, как бы являлись гостями, командир полка приглашает нас на маленький завтрак.

Мы поехали туда. Действительно, нам представился пожилой немецкий офицер, который вместе с другими несколькими молодыми немецкими офицерами, встретил нас внизу, в передней дачи, в довольно большом круглом зале с видом на Днепр, с красивым видом на лес и на реку. Предложили нам завтрак. Мы были там может быть около получаса.

После этого, мы снова сели в автобус и перед тем, как поехать по направлению к Смоленску, мы просили посмотреть, что такое Катынь: село ли это, или что иное? Потому что, как я сказал, кругом был только лес и кое-где мы видели единичные дома. И автобус тронулся в обратном направлении, не к Смоленску, а в обратном направлении. Прошел около 2-3 километров, не больше. На одном перекрестке дорог мы увидели надпись на немецком и на русском языках "Катынь-Покровское". Кое-где разбросаны на одном холме справа от дороги несколько домов. У нас создалось впечатление, что именно этот населенный пункт Катынь.

Автобус повернул обратно и продолжал путь на Смоленск. Проехали снова мимо леса, в котором мы были, и

после того, как автобус проехал еще около 2-3 километров, или немного больше, во всяком случае несколько километров, не больше, повернул налево с дороги и остановился перед одним изолированным домом крестьянского типа, домом, какие, как я вам сказал, были расположены в окрестностях.

Это был одноэтажный домик. На передней стороне имелся узкий, низкий настил, на который человек поднимался по 2-3 ступеням, не выше, чем ваш стол, но шириной в два раза больше этого стола. Я остался при том мнении, что это один из прежних крестьянских домов с настилом спереди, вроде террасы, которую немцы использовали, чтобы выставить вещи и то, что они называли документами, на которые они много ссылались и которыми они хотели доказать, что трупы имеют давность не со времени прихода немцев, когда они оккупировали Смоленскую область, а со времени русских.

На этой же террасе посередине, почти на-половину вашего стола, было устроено что-то вроде прилавка, какие имеются в магазинах, с витринами, сверху закрытыми стеклом, на стене было повешено еще несколько отдельных витрин, маленьких, неглубоких витрин, повешенных на стене, как рамки. Нам сказали, что там собраны эти бумаги. Они сказали нам, что раньше приезжали якобы какие то группы общественников, группы европейских писателей, журналистов, польских священников, даже показали снимки польских духовных лиц. Один из них был, как я помню, на снимке в белом одеянии, и нам сказали, что

он отслужил какую-то религиозную службу на месте могил. Здесь мы видели разложенные....

- Перед тем как войти в этот дом Вам сказали, что эти вещи вырыты из могил?

- Да, Когда мы выходили из автобуса, нам сказали, что здесь находятся вещи, найденные на трупах и что по да - там этих бумаг, эти трупы имеют давность не позже, чем с весны 1940 г., ссылаясь на самую поз^днюю дату, которую они нашли.

Здесь хранились вещи, среди которых я припоминаю польские знаки военного различия по чину: польские пуговицы, военные польские погоны, польские военные ордена "Виртути милитари", "За военную доблесть". И между прочим, припоминаю / я припоминаю потому, что немцы специально обратили наше внимание на это / сделанный из доски портсигар, самого обыкновенного дерева, о котором говорили, что он был найден на каком-то трупе человека, который сам себе сделал этот портсигар. У портсигара был действительно вид самодельный. Человек сам себе его смастерил. С внутренней стороны латинскими буквами было выгравировано "Козельск".

Немцы об"яснили, что Козельск это название какого-то лагеря в глубине России. Где, точно я не знаю, но где ^{там,} эти пленные содержались. Они из этого сделали заключение, что этот человек был где-то в лагере, и оттуда его привезли в Смоленск, где он и нашел свою смерть.

Они придавали большое значение этому портсигару.

Этому портсигару придавалось большое значение?

- Он стоял в витрине раскрытым и можно было прочитывать, как я сказал, выгравированное слово "Козельск". Кроме того, было там очень много снимков, как мне сказали, семейных - женщины, дети и, как они утверждали, это были якобы снимки, найденные в одежде покойников и посланные им их семьями. Помню, что была женщина с коляской, женщина с ребенком, другая какая-то на пляже в купальном костюме, женщина вместе с детьми около нее, письма на польском языке.

Самое большое значение придавали маленькому блокноту, в котором графитным карандашом на польском языке были сделаны заметки. Они утверждали, что в этом блокнотике /и действительно там кто-то из немцев же читал и переводил с польского на немецкий/, погибший делал заметки чуть ли не до своего последнего часа. Он говорил, что прибыл туда, вспоминая эту фразу, - в апреле, была какая-то дата, прибыл на станцию Гнездово. После этого, говорит он, погрузили нас на машины. Я вспоминаю буквально такую фразу: "День начинается плохо для нас". И они считали, что после этого этот человек был уведен.

Было кроме того, должен сказать я, очень много удостоверений личности, очень много мобилизационных, призывных билетов, подобно тем, которые мы получаем.

Все эти бумаги, которые они нам представили и которые они называли документами, действительно внешне выглядели как будто они лежали в земле, в том смысле, что они были

пожелтевшими, памятыми, однако, были ли они в земле, когда ^{либо} и сколько времени они были в земле, - об их подлинности мы не производили никаких исследований, потому что это была задача, выходящая за пределы наших возможностей.

Я прошу только лишь ^V ответить, что эти бумаги, эти документы, как они их называли, мы рассматривали бегло, мимоходом. Это было все, что мы могли, так сказать, заметить. Мы не могли взять эти бумаги в руки для того, чтобы рассмотреть, что они собой представляли.

Весь этот осмотр документов едва ли длился больше 10 -15 минут. Осмотр закончился и мы опять пошли к автобусу.

- Кстати о блок-ноте, видно ли было, что он был использован, помят или где-нибудь перегнут?

- Вообще все бумаги были помяты, перегнуты, с виду жирные, заплесневшие, ^{ев} пожелтевшие, с какими-то пятнами. Письма, снимки были с неясными текстами, чернила на них были размазаны. Припоминаю, что синие чернила от печати на одном документе, вроде удостоверения личности, перешли на картон.

После того, как закончился осмотр документов, которым они придавали такое большое значение, я уже сказал, мы снова автобусом вернулись в Смоленск.

Уже было довольно поздно, может быть 3-4 часа пополудни, пока прошла вся эта история, о которой я говорил, и мы вернулись обедать в гостиницу и остались там отдыхать.

Я забыл еще сказать вначале, когда нас распределяли,

кто в какой номер пойдет и т.д., что я попал в один номер с румынским делегатом, доктором Биркле, который лежал на кровати подо мной, а я поднимался над ним, сбоку была другая кровать, на которой лежал чешский делегат проф. Гаек.

Биркле вел себя немного настороженно по отношению к нам, мы также вели себя в отношении его. Однако, когда Биркле вышел, поскольку я помню, искать воду для бритья, мы остались в номере вдвоем, я и Гаек.

Я должен сказать несколько слов еще в отношении этого несчастного чешского коллеги. На меня произвело впечатление, что когда Гаек разделся, нижняя рубашка была разорвана, показывая полную нищету. У него был маленький чемодан чрезвычайно жалкого вида, потерянный и т.д.

И когда мы остались одни, мы обменялись с ним несколькими мыслями о том, что нам показывали утром. Об этом нашем первом посещении Катынского леса. И мы оба с Гаеком согласились на том, что то, что нам немцы показывали, не является убедительным в том смысле, что состояние этих трупов, которые мы видели, не было той давности, которую немцы нам указывали, т.е. 3 года, с весны 1940 г. Тогда была весна 1943 г., значит полные три года или почти столько же. Что касается этих документов, которые они нам показывали там, сложенными подряд на этих витринах, то об их достоверности мы с Гаеком пришли к тому выводу, что ничего не можем сказать; мы же не видели, когда их вынимали, и они могут быть подброшены

уже после того, какими были вскрыты.

Вскрытие, по моему впечатлению, должно было иметь место значительно раньше, так как бумаги были пожелтевшими, имея в виду, что по предварительным сведениям вся эта Катынская история, по собственным признаниям немцев, была раскрыта намного раньше, следовательно было достаточно времени, чтобы бумаги и блокноты могли пожелтеть, будучи туда подложены, если вообще они находились в одежде, чего мы не видели. Мы их видели уже в витринах, такими какими они были там положены.

Между тем Гаек нашел повод, может быть потому, что он стеснялся разорванной рубашки на своих плечах, — пожаловаться мне ^{на} своем тяжелое материальное положение. Он рассказал мне, что он — профессор судебной медицины в чешском университете, остался на улице. Чешский университет в Праге был закрыт сразу же после оккупации Праги немцами. Весь инвентарь этого факультета и специально его института, /а он хвалился, что этот институт был очень хорошо оборудован, как инструментами, так и библиотекой/ был изъят и передан немецкому университету в Праге.

— Изъят немцами?

— Изъят немцами и передан немецкому университету в Праге, а сам Гаек остался на улице.

"Я, говорил он, зарабатываю лишь какими-нибудь случайными экспертизами в чешских трибуналах".

У него двое сыновей, о которых он говорил, что один учится на инженера, а другой студент-медик, и так как университет закрыт, то они остались безработными на улице

и были вынуждены утром выходить искать случайную работу, чтобы заработать что-нибудь. Вот в каком положении находился Гаек.

И все-таки Гаек приехал как "чешский делегат", сказано в кавычках, по иронии судьбы представлять какую-то чешскую державу, в таком же положении, в каком были все ^{мы}, включая и меня, - чтобы произвести обследование, ради которого мы были приглашены. Гаек мне сказал, что его вызвали в немецкую комендатуру, передали ему, что через несколько часов ему предстоит выехать в Берлин, дали ему билет на дорогу и сказали: "Вы едете участвовать, как представитель Протектората в расследовании, которое должно быть произведено".

Я настаиваю принять во внимание мнение Гаека о состоянии трупов и о достоверности этих документов, потому что тот же Гаек, - не знаю, не причиняю ли я ему неприятность, если он находится в руках немцев, - тот же самый Гаек позже сделал демонстрацию, когда на следующий день было устроено общее собрание делегатов. Демонстрация Гаека была скромна, правда, но она была трогательна.

Когда нас записывали по фамилиям, кто, откуда и от какого университета, Гаек сказал: "профессор бывшего Пражского университета". Генерал Гольм, который председательствовал, спросил его: "Почему бывшего- гевезене? Ви зо дер гевезене? Почему бывшего? - Потому что университет, говорит он, закрыт с момента прихода немецких войск в Прагу.

Гольм насупился и грубо крикнул машинистке: "Напиши-

те Пражского университета, а не бывшего". Для того, чтобы избежать слово " бывшего". Конечно, сказал он, университет когда-нибудь будет открыт. Но когда, и будет ли он открыт - это вопрос.

Тот же самый Гаек, которому немецкая оккупация разрушила личную жизнь, бросила его в такую нищету, а его сыновей заставила ходить искать случайной работы, который попытался сделать эту скромную, но трогательную демонстрацию, как я вам сказал, этот же Гаек был вынужден, как и все мы, подписать этот несчастный документ. Этот же Гаек - я возьму значительно раньше, в хронологическом порядке, сделал заявление, которое я читал, помещенное в нашей печати, где говорилось о большевистских ужасах, о трупах и т.д. когда я знал до из интимного разговора с ним его взгляды. И для меня не было никакого сомнения, что эти заявления были принудительно вырваны от него, так как этот человек ни по чувствам, ни по убеждениям, которые он мне высказал, ни по логике, имею в виду его личную жизнь, сломанную немецкой оккупацией, не мог быть убежден в том, что он подтвердил своей подписью, и о чем он выступал в своей печати.

Эти заявления мне позже, так сказать, подносили из немецкой миссии и в частности их советник Морман. Это им служило поводом, чтобы требовать и от меня сделать такие заявления. До этого, я зашел далеко вперед в хронологическом порядке, - до этого в нашей печати появились заявления этого Гаека и Милославича из Загреба, одинаково сенсационные, одинаково в них говорилось о большевистских

ужасах. С Милославичем я не говорил и я не знаю, каково его мнение, но, что Гаек не мог искренно давать эти заявления, я знал, потому что мы говорили с ним и, наконец, надо принять во внимание его личную судьбу и что он никакого чувства дружественного расположения к немцам не имел.

Для меня несомненно, что Гаек, этот наш несчастный коллега - чех, был вынужден дать эти заявления, под таким же нажимом, под каким он был вынужден выехать в Катынь.

- Составленный протокол был им тоже подписан?

- Всеми, также и им. Он подписал его на общем основании. Он даже вскрыл два трупа, по которым он дал заключение, - поскольку я припоминаю, - умеренное заключение в том смысле, что он не затрагивал вопроса о давности. Это можно проверить в "Белой Книге", если она находится в вашем деле. Гаек не затрагивал вопроса о давности, потому что находился в тех же условиях, что и я.

Как я уже сказал, было уже поздно, когда мы вернулись обедать, а потом состоялся разговор с Гаеком, во время отдыха в номере. К вечеру нас пригласили на маленький завтрак в самой гостинице, и после этого уже в сумерки нас снова посадили в автобус и сказали, что мы поедем в немецкий госпиталь, где, как врачам, нам покажут некоторые интересные случаи.

Действительно, когда мы проехали через город, нас привезли к одному зданию, сохранившемуся, довольно

массивному, которое очевидно существовало до немецкой оккупации, там помещался один немецкий военный госпиталь для инфекционных заболеваний. Встретил нас заведующий госпиталем, старший и младшие врачи и т.д., которые, как коллеги, представились нам и сказали, что они покажут нам некоторые интересные случаи. Действительно, нас повели в палату, показали нам случаи сыпного тифа, уремии, особенная болезнь, которая не распространена у нас, о которой говорили, что она распространена среди солдат.

Эти демонстрации являлись чисто медицинскими по своему характеру. Нам показали больничные листы, историю болезни и т.д. Там мы пробыли до 6-6 с половиной часов.

После этого сказали нам, что заведующий госпиталем приглашает нас остаться на ужин в этом же госпитале. Повели нас вниз, в подвал здания. Подвал был с деревянными обшивками и приспособлен под постоянную столовую для врачей и обслуживающего персонала госпиталя, как нам говорили.

Но одновременно, он служил, нам сказали, и убежищем. Ниже этого места некуда было спускаться. И вечером здесь они могли работать и сидеть здесь до поздна. Но, они нам сказали, что в Смоленске мы можем быть спокойны. И действительно, за все три раза, что мы ночевали, там давались ночью тревоги, но при этом говорилось: "Не нужно уходить с кровати, потому что русские не бросают бомбы в города по какому то молчаливому согласию между нами и ими. Они не бомбардируют городов, не бомбардируют наши населенные пункты".

Действительно, каждый вечер гудели сирены, однако, мы оставались в кровати. Однажды я услышал какие-то далекие раскаты. Утром мы слышали, что были сброшены бомбы на железной дороге, но в самом Смоленске никакие бомбы не падали.

Ужинали мы в этом же госпитале. Ужин длился не очень долго. Врач - заведующий больницей приветствовал всех иностранных гостей. Когда кончился ужин, мы снова сели в автобус, вернулись и легли спать.

Утром - значит на второй день нашего пребывания в Смоленске - мы снова спустились вниз. Автобус ожидал нас опять у дверей, и мы во второй раз поехали в Катынский лес на место происшествия. Мы всего были два раза на месте происшествия и оба раза в первой половине дня.

Мы снова сели в автобус. В этот второй день мы опять прибыли на то же место. Как только мы прибыли на это место, которое было немного расчищено, как я сказал раньше, когда описывал это место, мы увидели несколько, может быть 7-8, а может быть и 10 новых деревянных столов, сделанных таким образом, чтобы на каждом мог лежать один труп. Мы увидели служащих в резиновых передниках, новые, сделанные из новых досок, столики, увидели расставленные инструменты для вскрытия трупов и т.д.

Тогда Бутц пригласил делегатов, в частности, являющихся судебными медиками, совершить вскрытие, для того, чтобы получить непосредственное впечатление от трупов. Я должен сказать, что не все делегаты были судебными медиками. Несколько человек - 4-5 не были судебными медиками, их специальностью была обыкновенная анатомия. Таким являлся голландский делегат по паталогии, такими были словацкий делегат и финский делегат. Были и психиатры, таким

являлся парижский представитель проф. Костедуа. А бельгийский делегат был профессором по глазным болезням, как он заявил, однако, он добавил, что он занимается и судебной медициной.

Нам специалистам по судебной медицине специально было сделано приглашение совершить аутопсию. Здесь я должен отметить, что в протоколе, подписанном мною, имеется добавление, которое я никоим образом не считаю случайным. В протоколе, где указано, кто каким является специалистом, после моего имени написано, что я являюсь специалистом по судебной медицине и криминалистике. На нашем факультете нет кафедры по судебной медицине и криминалистике, а есть только кафедра по судебной медицине. Это можно проверить по всем учебным планам. Вы увидите при каких обстоятельствах выписано слово "криминалистика", которое я заметил впоследствии. Немцы сделали это сознательно, очевидно стремясь, таким образом, повысить наши качества. Я тогда заявил, что являюсь только доцентом по судебной медицине. И о многих других делегатах сказано в протоколе, что они являются специалистами по криминалистике.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В протоколе записано: "доктор Марко Марков доцент по судебной медицине и криминалистике при Софийском Университете".

Подсудимый д-р М.МАРКОВ: Подобной декларации я не делал, потому, что я не являюсь специалистом по криминалистике. Это можно увидеть по учебным планам. И Гаек сделал ту же декларацию. Я сказал, что являюсь "доцентом ~~байден~~ Леершуле дер Геритлих Медици" - доцентом при кафедре судебной медицины. Никогда ни я, ни наш начальник не добавлял к нашему званию слово "криминалистика"; словом "криминалистика" немцы стремились повысить наши качества,

потому что они ссылались точно на данные, носящие криминалистический характер.

- Они вам не сказали, что ставят слово "криминалистика" после ваших имен?

- Да, это слово добавлено, например, к имени итальянского делегата Палмиери, профессора по судебной медицине и криминалистике. Я не знаю, соответствует ли это действительности, или нет. Верно, что в Германии существуют кафедры по судебной медицине и криминалистике, но являются ли доктор Палмиери и др. коллеги, о которых отмечено в протоколе, что они специалисты и по криминалистике, я не знаю, но больше предполагаю, что им это качество приписано, так же как и мне.

Я продолжаю. Нас, специалистов по судебной медицине, пригласили совершить аутопсию. Каждый из нас должен был указать на труп, который извлекался для него из соответствующей могилы, для того, чтобы его вскрыть. Там было несколько военных лиц - мужчин и женщин - работавших на пишущей машинке под диктовку врачей, которые составляли соответствующие протоколы и вскрытия, как это обыкновенно делается в судебной медицине.

Я указал, чтобы мне вытащили один из верхних трупов, находившихся в большой могиле, имеющей форму буквы "Г". Труп вытащили и положили его на стол. Из этой же могилы взяли трупы и другие делегаты. Кто именно, точно я не могу вам сказать. Это потому, что еще во время следствия мне был задан вопрос, откуда взял труп Орзош. Этого я также не могу сказать, но во всяком случае и другие делегаты взяли трупы из этой могилы - одной из открытых ям, потому что в нашем присутствии другим ям не было разрыто.

- Вы указали, чтобы вам вытащили труп из числа тех, которые находились наверху. Могли ли вы попросить, чтобы вам дали другой труп из числа находившихся глубже?

- Они сказали: Берите трупы, откуда хотите. Я попросил, чтобы мне вытащили один из лежавших наверху. Взяли ли некоторые из коллег трупы, из числа находившихся глубже, этого я не могу сказать.

Труп, указанный мной, был вытащен двумя русскими военнопленными, находившимися там. Труп положили на стол. Этот труп, как мне сказали, носил военные знаки различия польского лейтенанта. Я не знаком ^{со} знаками различия польской армии, но в этом отношении все были единодушны, что по знакам на погонах устанавливается, что у него был чин лейтенанта. Это был труп человека ~~высокого~~ роста. Он был одет в шинель, на голове шапки не было.

Я начал раздевать труп. Как я уже сказал, трупы были нумерованы, на каждом трупе была повешена железка с номером. Этот труп имел № 827. Эта цифра указывает, что такое количество трупов было вытаскано из могилы с того момента, как она была вскрыта. Шинель была в полном порядке, она была застегнута на все пуговицы. Я растегнул шинель, а затем куртку. На шее было еще кашне. Вся одежда лежала хорошо, очевидно, что трупы давно не передвигались. Из какого материала было кашне? Из шерстяного или хлопчатобумажного?

Из шерстяного; но из-за лежания в этой обстановке он был достаточно грязного серого цвета.

Под курткой, насколько я помню, был джемпер. Одежда хорошо сохранилась, и ее удалось легко снять.

- Нижнее белье было из хлопчатобумажной материи?

- Да, оно было из хлопчатобумажной материи и сохранилось хорошо.

- Это ваш ответ интересует суд, потому что разложение одежды зависит от материала.

- Естественно, это мне известно. Шерстяная одежда более устойчива. - После снятия джемпера, я снял рубашку.

Адв. П. ДЕНЕВ: Верхняя рубашка, она наверное была из хлопчатобумажной ткани?

- Верхняя рубашка была из какой то цветной материи, подобно рубашкам, которые носим и мы из цветного паплина.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И была полностью сохранившейся?

- Да, - И сапоги точно также были очень хорошо сохранившимися. Швы не разошлись. Я видел и другие трупы, находившиеся в состоянии большего разложения, при котором швы уже прогнили и сапоги при снятии ^{до} распались. Верно, что обработанная кожа является одним из самых устойчивых материалов, но швы, которые связывают кожу, зашедшем далеко, при разложении загнивают таким образом, что сапоги распадаются и обувь, либо сапоги, снимется по частям. А сапоги этого трупа мы с силой стягивали, потому что швы не прогнили и не разрывались.

- Нитки были из шерстяного или хлопчатобумажного материала?

- Сапожные нитки. Вероятно они были хлопчатобумажные. Я уверен, что шерстяные нитки не употребляются при пошивке сапог.

- Разумеется, они также не были из шелка.

- Сапожники не шьют шелковыми нитками.

Когда я снял куртку из ее внутренней стороны я вынул нечто, напоминающее блокнот - личная карточка с фотографией, которая не была отчетливо видна. На оборотной стороне из-за влаги и гниения отпечатались некоторые неясные буквы из-за того, что расплылись чернила.

Было видно, что это была фотография женщины и ребенка. Кроме того, при этой личной карточке были некоторые другие клочки бумаги, на которых было написано что-то другое. Все это было пропитано влагой настолько, что если бы человек захотел прочесть написанное, он бы прочел. Я вытащил портмоне, в нем были деньги - польские банкноты. После того, как я вытащил эти вещи из карманов одежды, сразу один из окружающих меня немцев сказал: "рассмотрите эти бумаги и опишите их в протоколе". Я ответил: в нашей практике мы не описываем эти бумаги и поэтому мне незачем их описывать. Я только нашел эти бумаги, а кто будет заниматься ими дальше, пусть их опишет. Немцы приняли мое возражение. Они принесли конверты из грубой желтоватой бумаги - продолговатые конверты, в которые положили найденные бумаги. На конверте был поставлен тот же номер-827. Они сказали, что все найденное на трупах сохраняется в конверте с номером, соответствующим номеру трупа. Что делалось ^{дальше} с этими бумагами я оставляю уважаемому суду составить себе мнение. Во всяком случае никто из нас больше не видел эти конверты. Нам показали массу других конвертов.

Я приступил к вскрытию. Волосы и ногти почти выпали, только кое-где отдельные волосы еще держались. Кожа местами засохла, как кожа для подметок, вообще она была сохранившейся. Местами кожа распалась и была видна подкожная ткань, т.е. жир, который имел вид мыла и который мы обозначаем специальным термином "адипуцир". Это было отчетливее видно около кишек. Этот адипуцир получается от разложения трупа.

- Это является веществом, получающимся от превращения жиров в мыло?

- Да, жиры, содержащиеся нормально в человеческом теле, распадаются, смешиваются с кальцием и магнием почвы и подпочвенной водой и при смешении этой воскообразной массы, образуется адипуцир. Мы знаем, что образование адипуцира начинается в первые месяцы после зарытия трупа. В этом случае не были найдены трупы, полностью превратившиеся в мыльную массу. Это могло бы случиться только тогда, когда трупы лежат в воде. Но для этого потребовалось бы по крайней мере год. В этом случае мы имели лишь частичное проявление омыливания. В этом случае раз имелся адипуцир, речь шла о пребывании трупа в земле более короткого времени, несколько месяцев, поэтому отмечалось это частичное проявление омыливания. Все-таки эти трупы не были полностью в воде, хотя это могло бы случиться с трупами, зарытыми в более влажные места. Некоторые из трупов находились в более сухом месте и немножко засохли. Указанный труп, который я вскрывал, был взят из более сухого места и отчасти засох - имела место, так называемая, мумификация, при которой кожа превращается почти в кожу для подметок. Разложение идет очень медленно.

При осмотре трупа была видна характерная рана, которая была найдена и на других трупах - сзади в затылке. Во лбу было большое отверстие, соответствующее выходному отверстию в том месте, через которое вышла пуля. Там кость была более разбитой. При разбитой части черепа не было нужды в применении пилы. Были видны сохранившиеся части мозговой оболочки и глинообразная масса, оставшаяся от разложения мозга, а также и остатки жидкости, просочившейся из почвы в труп. Я приступил к разрезанию трупа. Хрящи были в сохранившемся состоянии, они разрезались, как это обыкновенно делается в разлагающемся трупе, тело имело красноватый цвет из-за разлагающейся крови, мышцы засохли и тоже имели красноватый цвет.

Легкие совершенно сжались и обмякли. Около задней части грудной клетки и позвоночника сердечный мешок сохранился, я разрезал его ножницами, сердце можно было поднять. Открыт сердечный мускул. Он был красноватый, коричневый. Не было никакой отчетливой структуры, потому что разложение зашло дальше, но клапаны были еще видны.

В области живота были видны кишки, засохшие, полупрозрачные, почти как те кишки, которые употребляются при приготовлении колбасы. Были видно засохшее содержание кишек и в частности в желудке, который был сморщен, в нем была черная каша - остатки пищи, принятой перед смертью.

Эта картина состояния трупа, которая была обрисована, несмотря на то, что она не представляла возможности назвать с точностью дату причинения смерти, была для меня, во всяком случае в одном отношении совершенно точна и однозначна: что это был труп, который находился не в очень продвинутой стадии разложения. И когда я сопоставлял это с теми сведениями, которые нам давали немцы, что этот труп имеет 3-х годичную давность, от весны 1940г., то для меня было совершенно очевидно, что состояние трупа не отвечает дате смерти в 1940г., в марте или апреле, как указывали немцы. Этим было обусловлено мое поведение в том смысле, что эти ~~крупные~~ трупы были более свежими. Это определило мое поведение в течение всей аутопсии и при составлении моего протокола.

Если вы посмотрите "Белую Катынскую книгу" и мой протокол, вы убедитесь, сравнивая с остальными протоколами, что мой протокол самый краткий. Я старался только с помощью самого необходимого дать краткое описание органов, без всякого толкования состояния этих органов, причем я все-таки достаточно ясно выявил, что

труп сохранившийся, что мускулы сохранились, что кожа сохранилась, что желудок и содержимое желудка и т.д. сохранились.

В нашей практике имеет большое значение судебно-медицинский принцип, что важно описание, которое мы даем трупу, потому что, если будет дано заключение в момент составления протокола и впоследствии судебно-медицинский протокол подвергнется переоценке в случае новой экспертизы, заключение может быть совершенно другим, но важным является дать добросовестные ясные данные об объективном состоянии трупа, чтобы новая экспертиза, исходя из этих данных, смогла построить совершенно другое заключение. Поэтому я, да не только я, но и все судебные медики, мы всегда считали более важным объективное описание, нежели заключение, а заключение никогда не может быть таковым, чтобы оно не опиралось на объективные данные. И обратно. Если найдется такое заключение, которое не опирается на объективные данные, то его можно очень легко оспорить, отречься от него.

Поэтому моей целью в этом протоколе было (поскольку я был убежден, что здесь дело обстоит не так, как говорят немцы, что трупам уже очевидно не три года, а что они более поздней даты), зафиксировать в этом протоколе только некоторые данные, которые предоставят возможность позднее, когда будет читаться этот протокол, всякому сказать, что это не является протоколом трехлетнего трупа, а более свежего трупа. Я претендую, что вписал именно такие данные в моем протоколе, как бы он не был краток.

Но я пошел еще дальше. Обстановка благоприятствовала этому до известной степени. Пока я диктовал машинистке, круг наблюдателей перешел к другому коллеге и образовалась группа вокруг другого стола. Сами немцы, да и некоторые из наших коллег-делегатов, которые не занимались вскрытием, передвигались от одного

стола к другому для наблюдения. Когда они отошли от моего стола и подошли к другому столу и я остался один диктовать, я закончил описание трупа и сказал машинистке:

Шлюс - заканчиваю!

Машинистка не сделала никакого возражения. И я закончил протокол, не давая никакого заключения. И в самом деле вы увидите в Катынской книге, что мой протокол единственный без какого-либо заключения. Я настаиваю на этом факте.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не дали заключения, но постарались в протоколе включить об"ективные данные?

- Да, из этих данных в любой момент любой человек может сделать заключение, что этот труп не является трехлетней давности.

- Но не сделали этого заключения?

- Да. Потому что был убежден, что это не является трупом трехлетней давности. Но написать о том, что это был одногодичный труп, в этой обстановке было невозможно.

- Вы не решились?

- Не решился этого написать и поэтому не дал абсолютно никакого заключения.

Важность этого обстоятельства вытекает из того факта, как вы убедитесь, что в коллективном протоколе о состоянии трупов ничего не говорится. Там, насколько я припоминаю, только в одной фразе сказано, что трупы, которые находились вдоль стен могилы, более сохранились, а те, что были внутри могилы, больше разложились, но не сказано, до какой степени дошло разложение. Не сказано, насколько продвинулось это разложение и в протоколе не даны об"ективные данные, из которых можно было бы увидеть, что эти трупы той или иной давности.

Следовательно, заключение о состоянии трупов, из которых делается заключение о времени смерти, необходимо сделать из еди-

ничных протоколов, потому что именно в них делегаты описывают состояние трупов, насколько мне известно остальные коллеги также воздержались сделать заключение.

Но я пошел в моем воздержании дальше, потому что вообще отказался писать какое-бы то ни было заключение.

Адв. П. ДЕНЕВ: Значит, Вы утверждаете, что есть делегаты, которые, несмотря на то, что они в своих протоколах изложили данные, говорящие о более поздней дате смерти, все-таки дали заключение, что эти трупы имеют более, чем трехлетнюю давность? - Так-ли это, правильно ли я вас понял?

- Насколько я помню, такие случаи были, но это является вопросом проверки. Во всяком случае, во всех остальных протоколах имелись заключения, а я единственный, кто оставил свой протокол без заключения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не дали заключения, потому что вам необходимо было сделать оценку?

- Я должен был оценить данные, что меня неизбежно привело бы к заключению, что это труп не является трехгодовалым, а значительно более свежим. В тот момент я не мог решиться написать подобное заключение.

- Адв. П. ДЕНЕВ: Потому что вы сами могли стать трупом? Потому что могла иметь место автомобильная авария только с доктором Марковым, потому что он дал такое заключение!

- Я не дал заключения.

Мое первое впечатление было, что немцы не заметили это дело, пока мы были среди них в Смоленске и позднее в Берлине. Но пораздумав позже, поскольку за нами старательно наблюдали во всех отношениях, поскольку за каждым нашим действием, за каждым нашим шагом зорко следили, я считаю, что они не могли не заметить, что

я оставил свой протокол без заключения, но в этом случае никто мне ни слова не сказал, не попросил меня дополнить свой протокол. Я объясняю это обстоятельство тем, что они не хотели поднимать вопроса из-за того, что один делегат оставил свой протокол без заключения и поэтому они промолчали об этом деле. Когда я возвратился в Софию, спустя довольно большой отрезок времени, я получил два экземпляра этого протокола, напечатанные на пишущей машинке и посланные мне письмом доктором Циц. Он поддерживал известную связь. Например, как только выходило^{ло} что-либо написанное в немецкой прессе, как только *были* воспроизведены протоколы и т.д., он считал своим долгом немедленно письмом переслать нам этот материал. Я получал несколько таких работ. Но наш дом на улице "Мария Луиза" теперь разрушен, мое бюро разбито и все бумаги пропали. Это было несколько газет, которые он мне послал, в которых были опубликованы сведения о Катыни. Один из этих двух протоколов я сохранил. Из него взяты эти записи, которые находятся в моем досье. К этим двум протоколам было приложено сообщение о том, что немцы намереваются выпустить книгу о Катыни и что он, Циц, меня просит дополнить свой протокол, если я сочту это нужным. Это было сказано в условной, учтивой форме, чтобы я сделал дополнение, которое сочту необходимым. Не было высказано требование: Дайте заключение, или: ваш протокол без заключения, дополните его. Ясно, что предложение дополнить протокол не могло иметь никакого другого смысла, кроме того, чтобы я дал свое заключение. Я вернул один из протоколов и сказал, что не сделаю никакого дополнения. И уже позднее, когда вышла книга о Катыни они послали мне один ее экземпляр. Этот экземпляр также пропал в нашем доме. Этот экземпляр, я надеюсь, находится в деле. Я не сожалею об этом, потому что эта книга была распространена в больших количествах

езде и легко может быть найдена. В книге о Катынском случае я видел и свой протокол, опубликованный без заключения, таким, каким я его возвратил.

Самым существенным обстоятельством, которое толкнуло меня на это поведение, было, как я уже сказал, состояние трупов. Это состояние объективно было несовместимо с немецкими утверждениями, что трупам уже три года и очевидно, это состояние доказывало, что убитые люди нашли свою смерть значительно позднее и далеко не три года тому назад.

Кроме всего того, что я пережил до этого момента, имелся еще ряд фактов, которые укрепили мое убеждение, что перед нами нечестное состряпанное дело, перед нами инсценировка. Я говорил Вам о первом обстоятельстве, создавшем у меня чувство, что перед нами нечестное дело. Это было утверждение Шишманова, что исследовано уже несколько тысяч трупов, и что нам нет нужды видеть всех их. Вы поедете, говорил он, увидите те трупы, что вынуты и приготовлены, просмотрите и подпишете, как болгарский делегат, протокол и вернетесь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Протокол, который относится ко всем трупам?

- Да, будет составлен коллективный протокол, и этим говорил он, вы запротоколируете, то, что увидите.

И второе обстоятельство то, что мы совершали известное международное обследование, причем без участия немцев, но будучи приглашенными ими, и в сущности, по ходу дела, действуя все время по их плану и не имея абсолютно никакой инициативы. и это уже говорило само за себя. На конференции, имевшей место в тот же день после обеда, после того, как мы совершили вскрытие, при открытии ее, как бы в насмешку Бутц сказал, что немцы не принимают участия в этом обследовании, что в сущности они присутствуют на этом

обследовании, как хозяева, в то время, как в действительности весь зал был переполнен немцами, всеми теми, кто ездил вместе с нами, теми полицейскими фигурами, которые я вам описал, и которые без конца и безотлучно ходили за нами; были даже новые лица из Смоленска. Кроме этого, на председательском месте в середине ~~стола~~ стоял генерал Гольм, с одной стороны от него был Бутц, с другой стороны проф. Орзош, затем личный секретарь проф. Бутца, кохорую мы видели в институте, куда нас водили. Заседание происходило в нижнем этаже. Личный секретарь Бутца писала какой-то протокол под диктовку Бутца. Он время от времени наклонялся и шептал ей что-то. Что это был за протокол, никто не видел, никто его не читал, несмотря на то, что это был протокол заседания, на которое мы собрались. Мы не знали, каково содержание этого протокола.

- Она вписывала то, что председатель ей диктовал?

- Да. Она наклонялась время от времени и вписывала некоторые вещи. Но я потом подробнее скажу о конференции, состоявшейся позднее. Таким образом, то обстоятельство, что они твердили, будто бы мы совершаем обследование, а они являются лишь хозяевами, так нагло высказывая это перед нами, шло вразрез с действительностью, потому что на самом деле немцы проводили работу по плану, оставленному исключительно ими. У нас не было абсолютно никакой возможности проявить какую-нибудь инициативу. Мы были закатаны полицейским контролем. Я вам говорил раньше, что мы были в России, но не видели ни одного русского. У нас не было возможности обменяться мыслями, даже хотя бы одним словом, ни с одним местным русским человеком.

С другой стороны, нужно учесть то обстоятельство, что они очевидно, добивались создать у нас, на основании медицинских

данных и при помощи так называемых свидетелей и документов, определенное мнение, в связи с чем они приписывали нам титулы специалистов по криминалистике. Нужно также учесть и то обстоятельство, что свидетелей из местного населения, которые были приведены, выбирали среди населения не мы, а немцы, т.е. немцы не пустили нас, чтобы мы могли свободно поговорить с населением и расспросить отдельных людей; и учесть то обстоятельство, что это были те же самые свидетели, которых допрашивали приезжавшие до нас делегации; как я уже сказал, их демонстрировали польским государственным и общественным деятелям и каким-то европейским писателям; во всяком случае, эти свидетели представляли собой те же лица, фотографии которых были напечатаны в журнале "Сигнал"; наконец, это были свидетели такого рода, что у нас не было с ними никакого свободного общения, и как я уже сказал, только двое из них были допрошены Орзошем. Нужно учесть и то обстоятельство, что не было доказано, что эти документы, которым немцы придавали значение с точки зрения доказательства, были найдены на трупах; что они не при нас были найдены на трупах, а выставлены в витринах за несколько километров от места находок; что мы только на-слово должны были поверить, что эти вещи найдены на трупах. Необходимо учесть также и то обстоятельство, что они хотели, чтобы мы сделали заключение^о нескольких тысячах трупов, которые мы видели только в течение одного часа, причем каждый из нас вскрывал только один труп (некоторые вскрывали несколько трупов, но лично я вскрывал только один труп). Если, наконец, учесть то, что было вскрыто не больше десяти трупов, в то время как имелось несколько тысяч трупов, а также и то обстоятельство, что состояние трупов не соответствовало утверждениям немцев, то понятно, что все это создало у меня впечатление, что перед нами инсценировка.

Так я и уехал с этим убеждением. Когда мы покидали Катынский лес, для меня было почти очевидным, что если до сих пор я не был полностью убежден, если до сих пор я имел какое-то сомнение, то особенно после того, как я сделал вскрытие и обдумал все, что я пережил, - я не сомневался в том, что эти люди устроили инсценировку и, что они, используя нас, изображая какое-то научное расследование, которое должно было быть быстро провернуто, - искали научное, в действительности квази-научное, подтверждение перед обществом того, что было подготовлено таким образом, чтобы это отвечало их политическим интересам. И именно для того, чтобы выразить это свое убеждение, насколько я имел возможность и насколько я понимал в тот момент, так я ^{именно} и поступил. Я считал, что при данных обстоятельствах самое лучшее, что я могу сделать, это зафиксировать объективные данные для того, чтобы каждый другой врач, даже если он не является специалистом по судебной медицине, мог сделать заключение, что этот труп не является трехгодовалым, а представляет собой свежий труп. И поэтому я оставил протокол без заключения.

Я все еще убежден, что они заметили, что я оставил свой протокол без заключения, но не подняли там вопрос перед всеми коллегами для того, чтобы не создать неудобное впечатление перед делегатами. Они рассчитывали, что никто не знает об этом деле. И действительно, я никому из ^{своих} коллег не сказал, что я не дал заключения в моем протоколе.

Это было фактическое положение, которое наступило на второй день, в конце нашего путешествия в Катынь. Тогда у меня создалось такое убеждение, и оно обусловило все мое дальнейшее поведение и все переживания, которые я имел в дальнейшем в связи с Катынским случаем.

Возвращаясь к хронологическому описанию вещей и хочу вам сказать, что после завершения вскрытия трупа один 19-20 летний русский юноша с симпатичным лицом поливал мне воду для того, чтобы я помылся. Я удалился в сторону на несколько шагов с ним и попытался завязать с ним разговор. Я заговорил на болгаро-русском языке, как мы говорим, когда предполагаем, что знаем или понимаем русский язык. Юноша меня понял. От него я узнал, что он думает, что Болгария находится где-то на юге и считает, что Болгария где-то возле Персии. Я сказал ему, что Болгария не находится где-то возле Персии, а что она находится на Балканском полуострове. Я стремился завязать с ним разговор и понять что-либо, потому что он сказал, что живет где-то неподалеку. Я хотел понять, что там произошло, но в это время один из немецких военных начал ходить возле нас и я заметил, что он строго посмотрел на юношу. Тот покраснел и замолчал. Я больше с ним не говорил, потому что знал, что навлеку на него беду. Очевидно, что этим простым людям было запрещено входить в контакт с нами. Это является самым типичным примером, того, в какой "свободе", говоря в кавычках, развивалось наше "научное исследование". Если бы мы свободно обследовали, то мы должны были бы быть в контакте не только с этими людьми, но мы должны были бы руководить планом обследования. Мы должны были найти этих свидетелей, спросить их, выведать необходимые данные, разумеется насколько вообще имели значение свидетельские показания при оценке судебно-медицинских данных, или тогда вообще они не должны были нам подавать никаких документов и никаких "свидетелей". При наличии разложившихся трупов, они не могли требовать от нас заключения, что этим трупам три года, когда было очевидно, что они не имеют трех лет.

Когда мы закончили свой день в лесу, в конце нашего пребывания там (мы были в Катинском лесу всего два дня до обеда) в конце второго дня Орзош заявил, что нашел одну чрезвычайно важную находку, которая, как он выразился, будет иметь весьма большое значение. Он взял один череп. Я видел, что этот череп завернули в бумагу и понесли в автобус, и он сказал мне, что он об"яснит на конференции, что это за находка и каково ее значение. Они предупредили нас, что после обеда состоится общая научная конференция, на которой делегаты должны обмениваться своими впечатлениями. После того, как я поразмыслил, я видел, что не было абсолютно никакого препятствия для того, чтобы на самом месте нам была продемонстрирована эта работа. Я настаиваю, чтобы это было отмечено, потому что в самом деле это было так, что Орзош нас предупредил, что он нашел нечто важное и что он продемонстрирует это после обеда на конференции. Череп взяли. Мы пошли на то место, где, как я уже говорил, имеются просветы в лесу, где имеются оттуда и было вырвано несколько маленьких деревьев тысячи маленьких деревьев и было сказано, что мы обсудим нечто, имеющее отношение к этим маленьким деревьям, на следующий день.

Вернулись в Смоленск. Опять обедали в столовой при гостинице - военная столовая на другой стороне улицы, где находилось нечто вроде комендатуры. Там нам была роздана пища.

После обеда мы собрались на так называемую научную конференцию, на которой мы должны были обмениваться своими впечатлениями и, вероятно, от делегатов требовалось дать протокол, подписанный всеми.

Научная конференция состоялась в здании, в котором находилась полевая лаборатория проф. Бутца. До начала конференции он нам показал лабораторию, ее оборудование, которое действительно

указывало на занятия криминалистикой. Были увеличивающие фото-аппараты, ясно было, что обследуются волосы и т.д. Ясно было, что его интересы были направлены в сторону криминалистики. Он говорил о том, что делается на фронтах, в связи с судебно-медицинскими делами о саморанении бойцов и т.д. - в общем, говорил вещи, которые не имели никакого отношения к нашей работе.

После того, как он нам показал все это, мы спустились вниз, в одну довольно большую комнату. Вдоль комнаты были расставлены новые столы. Столы были расставлены в виде буквы "Г", в конце одного стола находился председатель. Кроме делегатов на это собрание явились все люди, которые присутствовали в лесу и все те, которых я справедливо считаю, что они являлись людьми полиции, сопровождавшими нас из Смоленска. Были и военные лица, несмотря на то, что их никто не приглашал.

Генерал Гольм занял председательское место, рядом с ним устроился Бутц, с другой стороны Орзош, рядом с Бутцем был секретарь. Этот президиум никем не был избран, да и вообще никто нам не предложил его выбрать. Тогда Бутц сказал, что в сущности немцы не участвуют в нашем заседании, также, как и не участвовали при обследовании. Заметьте, что на заседании присутствовал и выделенный германским командованием профессор Бутц, в действительности эти люди руководили работой. Но к еще большей нашей неожиданности, помимо, таким образом, составленного президиума, вдруг встал Бутц и начал читать готовый протокол.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот череп, это открытие профессора Орзош, абсолютно из вас не сумел увидеть его?

Адв. П. Денев: До этого вопроса он еще дойдет.

- Я дойду до этого вопроса.

Адв. П. Денев: Не видели ли вы, откуда его взяли?

- Мы видели, что он взял череп. После обеда он нам его показал.

Он предупредил, что будет его демонстрировать, но не сказал, что это, а только сказал, что нашел важную находку, что после обеда будет ее демонстрировать.

Значит, я говорю, кроме этого необычного для научного заседания присутствия стольких лиц, которые не имеют никакого отношения к научному обследованию, там присутствовали лица, которые говорили

о себе, что они являются хозяевами и что они не принимают участия в обследовании, а в действительности они заняли места президиума без того, чтобы кто-нибудь их выбирал.

К еще большей неожиданности Бутц начал читать протокол, сказав, что они выработали его с Орзошем. Когда и кто им поручил это, я не могу сказать, но я могу совершенно уверенно сказать, что никто из нас делегатов не поручал им выработку проекта протокола. Они по своей инициативе собрались в свободное после нашего пребывания в лесу до конференции время и в эти 4-5 час. выработали этот проект.

Но, прежде чем начать само рассмотрение, протокола, началось определение личности делегатов - кто откуда прибыл и какова его специальность. Там я заявил, что являюсь специалистом по судебной медицине. И никогда не претендовал на другое качество. В начале проф. Гаек сделал свою демонстрацию, требуя, чтобы было написано, что он является профессором бывшего Пражского университета, закрытого немецкими властями. Там выступил и проф. Костедуа, французский делегат, который заявил, что не имеет никаких полномочий для подписания протокола, - он сказал: "Мой президент Лаваль лично поручил мне присутствовать на заседании и на работе конференции, но я не имею никакого права подписывать какой бы то ни было протокол."

В этом отношении его положение отличалось совершенно от моего, потому что мне, напротив, Шишманов сказал: "Посылаю вас туда для того, чтобы вы подписали протокол от имени Болгарии". И в самом деле, как видите в протоколе указано, что присутствовали тот-то и тот-то и среди них инспектор медицины, как он себя назвал, г-н профессор Костедуа, который заявил, что он является психиатром, и что он не подписывает протокола. Его имени нет в протоколе, потому что он сказал, что он не имеет полномочия его подписать, а не потому что он воздержался. Он не был приглашен сделать это после того, как заявил, что он не имеет полномочий подписывать протокол.

проекта

При чтении Бутцем этого протокола вдруг выскочила фраза, что молодые деревья там были более трехлетнего возраста. Я точно не могу воспроизвести фразы, во всяком случае этой фразой стремились к тому, чтобы делегаты обязали себя определенным мнением, о возрасте молодых деревьев, очевидно с намерением показать, что эти деревья находятся там около трех лет, т.е. с того времени, когда согласно германскому тезису были зарыты трупы. Первым выступил румынский делегат. Затем немедленно поддержал его и я, поддержали его и другие - что мы не можем высказаться по вопросу о возрасте молодых деревьев, потому что это является вопросом, который совершенно выходит за пределы нашей компетенции, как врачей. Это мнение было поддержано чуть ли не всеми большинством делегатов. Во всяком случае стало очевидным, что это так не пройдет. Тогда генерал Гольм приказал какому-то военному вызвать какого-то форсмайстера, как он выразился - чтобы тот вызвал какого-то лесничего и упомянул при этом какое-то имя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ : Фон Гер.

-Думаю, что имя было вписано. Он действительно пришел в германской военной форме и пришел очень скоро. Он был как будто под рукой. Пока шло чтение протокола ему передали молодые деревья которые были принесены, и считалось, что это те самые деревья, которые были выкорчеваны утром, но никто из нас не был с ними, для того чтобы их охранять. Деревья и череп, которые были взяты от Орзоша, были посланы в лабораторию и во время заседания их принесли. Пока шло чтение лесничий сделал поперечные разрезы деревьев, поставил под небольшой микроскоп или под сильно увеличивающую лупу и показал между кругами сечения на более густо расположенные, темные круги. Я верю, что вам известно, что во время плохого, неплодородного года молодые деревья болеют, в результате чего появляется более тесный круг. Лесничий нам указал, что дерев

росло при плохих условиях и сделал заключение, что эти деревья болели более трех лет тому назад, когда их пересаживали. Но я прошу отметить, что, несмотря на то, что я некомпетентен в этом вопросе - и именно потому, что бы об"явили себя некомпетентными, был вызван специалист по лесному делу, что этот специалист никогда категорически не указал на какой-либо определенный месяц, во время которого пересаживались эти деревья. Из этого круга было ясно, что вегетационный период растения в течение года был нарушен из-за пересадки, о чем он заявил. В этом ли заключалась причина, я не могу сказать. Этот вегетационный период охватывает один год. 12 месяцев, когда была сделана пересадка, никто не может определить. Поэтому, что касается меня, я не придаю решающего значения этой вспомогательной экспертизе, которую производили немцы.

В связи с некоторыми мелкими деталями протокола выступили отдельные делегаты. Они сказали что-то, но самым существенным, занявшим внимание всех, была демонстрация Орзоша. Орзош принес череп разрезанным. В задней части этого черепа в так называемой затылочной яме.....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Один вопрос о деревьях. Все ли деревья, рассмотренные лесничим, имели такую отличительную черту, суженный круг?

- Он поставил разрез под лупу.
- Или такого круга не было на некоторых деревьях?
- Всего было вырыто 2 или 3 дерева, а он показал только один разрез. Позвали нас к одному столу и мы подошли. Действительно, там были такие маленькие деревья, но он взял одно дерево, сделал разрез на нем и указал на него. Мы видели, что ему там передали деревья.

- О привозе этих деревьев заботились местные власти?

- Они взяли деревья, отнесли их в лабораторию Бутца и после обеда, когда мы пошли снова на заседание, их принесли. Были ли это те же деревья, - я не могу этого утверждать.

НАР. ОБВИНИТЕЛЬ А. ВАЩАРОВ: Не было ли вопроса о том, что нарушение вегетационного периода для дерева происходит при всех обстоятельствах. Например, спросили ли вы лесничего, о том, что если дерево будет вырыто с большим количеством земли и посажено на другое место, последует ли такое же нарушение вегетационного периода или нет?

- Там не было вопроса об этом, но про себя, как я заявил перед уважаемым судом, рассудил, что причины для этого явления могут быть весьма разнообразные. Засушливый год может точно также нарушить вегетационный период дерева, в результате чего получится более тесный круг. С другой стороны, как вы указываете, если выкопать дерево с достаточным количеством земли, рост его может быть не нарушен и вероятно более тесный круг не получится. Это мое убеждение, насколько я знаком с биологическими явлениями, но я не претендую на компетентность в этом вопросе.

Адв. П. Денев: Какова была высота дерева?

- 50-60-70 метр.^х/ Некоторые деревья может быть достигали высоты в 1 метр.

- Давали ли они тень?

- Они вообще были маленькие, хилые деревца.

- Были ли они на открытом месте?

- Там не было солнца, это были низкие деревца.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был ли там поставлен вопрос о том, не происходит ли это нарушение роста дерева от обстоятельств, что год неблагоприятен, а не оттого, что дерево было пересажено?

- Нет, он прямо заявил, что нарушение роста является следствием пересаживания дерева более трех лет тому назад. Это было не только

х. Прим. перевод.: в оригинале повидимосу опечатка. Надо читать: 50-60-80 см.

- Сказал ли он вам, сколько времени прошло с момента пересаживания до момента выкорчевывания дерева? За сколько времени до вашего обследования?

- За три года до протокола от 30 апреля?

- Да, за три года до нашего пребывания, до даты нашего протокола, но, по моему, такая точка во времени не может быть указана точно. Нельзя точно определить, была ли эта посадка совершена 30 апреля 1940 г. Мы были там 30 апреля 1943 г. Он указал только на один нарушенный вегетационный период, а этот период охватывает 12 месяцев.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Потому что один круг относится только к полному году из 12 месяцев.

- Да. По кругу нельзя узнать, в каком месяце была произведена пересадка.

Адв. П. Денев: Если позволите, чтобы покончить с этим вопросом; поскольку подсудимый сказал, что во время чтения протокола в части, относящейся к деревьям, члены обследования заявили, что они некомпетентны и поэтому был вызван лесовод, который высказал свое мнение, пусть подсудимый скажет, по их ли просьбе было вписано в протоколе выражение: "Согласно показаниям лесничего такого-то" ?

- По вашему ли требованию ?

- Да, это было вписано по нашему требованию для того, чтобы было ясно, что мы некомпетентны.

- Как об этом точно упоминается, что это согласно пока-

заниям привлеченного к обследованию специалиста-агронома ?

- Да, для того, чтобы стало ясным, понятным, что у нас нет никаких претензий на компетентность в этой области. Было вписано также имя специалиста, произведшего эту экспертизу. Эта экспертиза была вспомогательной.

Я бы сослался на одну параллель для того, чтобы уважаемому суду стало ясно, как производится процедура в аналогичных случаях. Когда я во время аутопсии даю свое мнение о вскрытом трупе человека, который, предположим, был отравлен или не был отравлен (или не был отравлен) помимо данных аутопсии, сделанной мною, имеются данные о химическом исследовании, сделанном химиком. О химическом исследовании мне дается отдельный протокол, который точно также является судебно-медицинским, в нем указывается, нашел ли эксперт-химик какой-либо яд или не нашел. Однако, это заключение химика, я в этом вопросе не компетентен. Таково было положение и с этой лесной экспертизой. Насколько я понимаю этот вопрос, насколько я могу его, как интеллигентный человек, понять эта экспертиза ^{не} определяет какой-либо момент во времени, в который было пересажено дерево, потому что вегетационный период охватывает широкий период времени, продолжительный вегетационный период, во время которого могут произойти многие другие вещи. Может быть совершена переброска дерева из Смоленской области, из одних рун в другие.

После того, как был исчерпан вопрос об этой лесной экспертизе, пришла очередь демонстрации Орзоша. Как я вам говорил, еще утром он предупредил нас, что нашел нечто очень важное и что желает это продемонстрировать на послеобеденном заседании, что он и сделал. Люди Бутца принесли череп из лаборатории. Мы стояли рядом с Орзошем, как обычно, так что

могли видеть все. Он показал внутреннюю сторону черепа, его дно и его заднюю часть. В затылочной области черепа, он показал наслоение осадка, нечто вроде засохшей тины, на которой имелась корка, она состояла очевидно из каких-то кальциевых солей. Мы все рассмотрели это, после чего Орзош взял слово для того, чтобы дать нам пояснения. Он нам сказал, что всегда интересовался посмертными изменениями черепов, делал наблюдения и писал на эту тему. И в самом деле он писал по этому вопросу о посмертных изменениях, которые мы наблюдаем в трупах. В Венгрии он долгое время искал зарытые трупы для того, чтобы их эксгумировать, для того, чтобы их вырыть с судебно-медицинской целью и для того, чтобы решить, каковы посмертные изменения их. И действительно, его звали во многих случаях при обследованиях для того, чтобы сделать специальные медицинские исследования по этому вопросу... Он говорил, что имеет опыт. Из этого его опыта выходило, что трупы, которые находились в земле меньше 3-х лет не имели такого осадка, в черепах таких трупов не образовывались такие вещества, такие кальцевые отложения, о которых идет речь. Отлагаются ли кальциевые карбонаты, кальциевые фосфаты и другие соли, которых я не припоминаю. Во всяком случае это были нерастворяющиеся кальциевые отложения.

Очевидно, этим утверждением он желал показать, что этот труп лежал в земле по меньшей мере три года. Очевидно, что, таким образом, он желал поддержать германский тезис.

Его мнение было вписано в протокол исключительно, как его мнение. Когда он сообщил его всем нам, там было множество людей более пожилых, значительно опытнее меня. Никто не встал, чтобы сказать, что он лично наблюдал нечто подоб-

ное. Никто не сказал, что имеет такой опыт в этом отношении.

И то, что примечательно в данном случае, это, что никто из нас, делегатов, вскрывавших трупы, не находил что-либо подобное. Орзош назвал это явление "~~п~~севдокалиус". Никто из нас делегатов не сказал, что находил нечто подобное, подобные отложения. И интересно то, что даже сам Бутц и его помощники, которые работали до этого над трупами и уже осмотрели около 800 трупов, они сами не утверждали, что находят где-нибудь у трупов такой "~~п~~седокалиус".

Поэтому мнение Орзоша было вписано в протокол исключительно, как его собственное мнение. Это было особо подчеркнуто - как научная цитата, за которую, я считаю Орзош несет сам ответственность перед самим собой и перед научным миром.

Если позволите, для того, чтобы кончить с вопросом об этом "~~п~~севдокалиусе", я позволю себе раскритиковать это открытие, это утверждение Орзоша. Дело обстоит следующим образом: После того, как я возвратился в Софию, Орзош разослал всем участвующим в этом расследовании - я предполагаю, что он послал всем, потому что он послал и мне - брошюрку на венгерском языке. Был сделан перевод этой брошюры и из нее явствует, что действительно в период за несколько лет до этого он делал такие наблюдения. Его брошюра была датирована 1940 г., насколько я припоминаю. Я сохранял этот егоструд. Когда меня задержали в дирекции полиции, я принес туда эту брошюру и специально указал, чтобы ее сохранили.

Таким образом, Орзош хотел указать нам, что этими вопросами он занимался предварительно, еще до созыва этого расследования, и что эту свою точку зрения он не создал специально ради катынского случая.

Но даже если это мнение Орзоша было составлено предва-

нительно, я считаю, что в катынском случае его "псевдокалиус" не может иметь доказательственного значения. По нескольким соображениям.

Первое. Разложение трупов, распадение солей, отложение этих солей в распадающемся трупе, также как и солей, окружающей почвы, в которую положен труп, является сложным процессом. Легко происходит смешение этих солей. Соли почвы и соли трупа смешиваются. Соли трупа переходят в почву, а соли почвы переходят в труп. Распадение трупа является продолжительным процессом перехода различных солей, во время которого происходит отложение. В результате этого получается "псевдокалиус". Распадение и отложение зависят от климатических условий. Каждому известно и каждый понимает, что труп, зарытый в нашей почве и труп зарытый в Африке, не будут одинаково разлагаться, смешение солей не будет одинаковым, потому что климатические условия различны. Это очевидно потому что температура различна и почва не одинакова по составу. Процесс будет протекать различно для обоих трупов. Если труп будет зарыт в Венгрии, процесс разложения и смешения солей точно также будет протекать иначе. Средняя годовая температура в разных местах различна. Количество осадков точно также не одинаковы, разнообразны. И бесспорно, что осадки, подпочвенная вода и в особенности кислотность подпочвенной воды играет и должна играть здесь очень большую роль.

Так что по моему мнению наблюдения Орасша, сделанные в венгерских условиях, даже если они и верны для венгерских условий, не могут служить безоговорочным доказательством для условий, при которых мы нашли трупы в Катынском лесу.

При этом Орзош делал свои наблюдения в Венгрии, как я сказал, и то над единичными трупами, погребенными в отдельных могилах. Всякий труп кладется в современный гроб, ⁴ так сказать, контакт с почвой совершенно отличен от положения трупов в катынском случае. А условия - почвенные и другие в Катыни, как мы видели, совершенно иные. Представьте себе эту большую массу трупов в Катынском лесу, пропитывающуюся водой, трупов, разлагающихся в собственных жидкостях. Значит совершенно другая химическая среда. Значит почвенная среда совершенно ненормальная. Независимо от того, что не только почва в Катынском лесу совсем отлична, не такая, как почва в Венгрии, но и климатические условия не одинаковы. В Катыни мы видели - а такова была почва и в Смоленске, - желтоватую песчаную почву, влажную, а почва в Венгрии - чернозем, плодородная почва. Это обстоятельство говорит против доказательной ценности Орзошского "~~п~~севдокалиуса". Орзош продемонстрировал этот "~~п~~севдокалиус" и с помощью этого единственного случая он хотел вывести заключение о всей массе тысяч трупов. Это точно также говорит против доказательной ценности его "~~п~~севдокалиуса". А мы знаем, что биологические явления никогда не развиваются с математической точностью и однообразно. Мы принимаем биологическое явление за закономерное только тогда, когда мы находим его в большинстве данных случаев, данных явлений и в этом случае, если, например, Орзош сделал исследования по крайней мере тысячи трупов и в 60-70% из них нашел бы этот "~~п~~севдокалиус", то только тогда мы смогли бы сказать, что этот "~~п~~севдокалиус" имеет доказательственную ценность. Но когда исследован только один труп, ^{тогда нельзя} вывести заключение из этого единственного черепа для всех остальных черепов и трупов, тогда нельзя говорить, что

это утверждение имеет доказательственную ценность.

Адв. П. Денев: Обратили ли вы внимание, что в протоколе написано, что сделано исследование большей части черепов?

— Да. Это просто на просто недобросовестное изложение.

— Была ли исследована большая часть черепов?

— Не была исследована. Он принес только один череп.

— Значит это был только один единственный случай, и просто на просто это является фальсификацией?

— Да, это просто на просто фальсификация.

— Назовите это своим именем.

— Да. Это именно так.

— В самом конце Оразов должен был сделать и количественное различие в этом явлении, т.е. должен был характеризовать как образуется "псевдокалиус" и установить количественную разницу. Как я говорил, несмотря на то, что не все там были медиками, и не все понимают этот процесс. Это является процессом постепенного отложения солей трупов и почвы. Это явление которое начинается ну, скажем, от нуля до определенного момента. Отложение почвы от нуля достигает в известный момент известного количества. Отложение не происходит в одно мгновение. Если оно началось в известное время, за известный период времени, например пока труп не вырыт, необходимо посмотреть, каково количество отложившихся солей. Таким образом, мы сможем рассуждать, по крайней мере приблизительно, за какой период времени, какое количество солей откладывается. Подобную количественную разницу Оразов не дал при объяснении своего "псевдокалиуса".

Я не помню теперь точно номер трупа, от которого Оразов взял череп для демонстрации "псевдокалиуса". Я прошу проверить, не был ли номер этого трупа 500 или около этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы проверим потом. Это имеется в книге о Катини.

- Я сделал себе несколько заметок из опубликованного в газете протокола, и думаю, что там указана эта цифра, но может быть она ошибочна. Насколько я припоминаю, этот череп был взят от трупа № 526.

- Именно так.

- № 526. Значит выходит, что этот череп не принадлежит к трупу лично вскрытому Орзошем, потому что, когда мы были в Катинском лесу, было вытаскано около 800 трупов.

- Вы вскрывали труп № 827 ?

- Да, следовательно и труп, с которого Орзош взял череп, должен был иметь номер не очень отличающийся от номера трупа, вскрытого мной.

Адв. П. Денев: Подсудимый пояснил, что когда они пришли нумерация началась приблизительно с 800 и дальше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас не было возможности вскрыть трупы с номерами около 500, для того, чтобы был труп вскрытый Орзошем за № 526 ?

- Разумеется, нет.

Адвокат П. Денев: Разница в триста трупов.

- Труп, который был вскрыт Орзошем, не может быть ни в каком случае за № 524^x, а должен был быть за № 800 и выше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Или около номера, вскрытого вами трупа 827.

- Да, он должен был иметь номер около этого. Значит, Орзош не имел возможности вскрывать труп № 526 и вообще труп с номером около 500. Это показывает, что этот труп, с которого он взял череп, был вытаскано еще до нашего прихода туда, так как нам сказали, что до момента нашего прибытия было вытаскано около 800 трупов, следовательно трупы с номером около 500 бы-

Так сказано в оригинале. Прим. переводчика.

ли вытщены значительно раньше нашего прибытия.

Адв. П. Денев: Если вообще они были вытащены оттуда ?

- Да, если вообще они были вытащены.

Я хочу сделать еще одно добавление. Этот труп, с которого Оразов взял череп, не принадлежит к тем трупам, которые мы вскрывали, и следовательно он не может распространять свое заключение на трупы, виденные нами. Его заключение, следовательно, не обладает качеством аутентичности. Этот череп мог быть взят из другого места. Мог не принадлежать к тем трупам, которые были вытащены перед нами. Это был череп, о котором не было сказано, откуда точно он взят и самое главное Оразов не мог вскрывать труп № 526, потому что в это время, когда вытаскивались трупы с номером около 500, мы были еще в Смоленске.

Я, разумеется, не имею желания играть здесь роль обвинителя против этого коллеги, много старше меня, который имеет имя в научном мире, да и вообще мое положение здесь не таково, чтобы я играл подобную роль.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но наша цель здесь раскрыть истину.

- Точно так, г-н председатель. И я так понимаю свою задачу перед уважаемым судом. Уважаемый суд, оценит работу. И я опять скажу, что я не считаю, что мое положение здесь таково, что я могу играть роль обвинителя против человека, находящегося далеко отсюда, но самые серьезные сомнения, так сказать, возбуждают толкование факта, наблюдавшегося им. Не является особенным, не является трудным напечатать в научной прессе научное утверждение, которое может быть аргументировано и в котором было бы налицо увлечение. Может быть высказано научное суждение, которое затем может оказаться неверным. Это

бывает. Но за последнее время от сопоставления некоторых дальнейших соображений, я пришел, по крайней мере для себя, почти, к заключению, которое Вам сказал; тех соображений, которые я вам еще скажу, добавляя, что не желаю убеждать, что этот человек действовал не совсем добросовестно. Мои соображения об этом следующие

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нас интересует не только, правильно ли он мыслит, но не допустил ли он ошибку в тот момент, когда он работал над самым трупом?

- Я хочу высказать свои соображения, которые еще более укрепляют мое убеждение, что "псевдокалиус" Орзоша не имеет никакого доказательственного значения не только для этого случая, но и для самого Орзоша. Я основываюсь на следующем. Вы знаете, что 2-3 месяца спустя после катынского расследования, во время войны разыгралась история с Винницей. В Виннице немцы стремились доказать, что трупы там имели не трехлетнюю, но даже пятилетнюю давность. В Винницком обследовании из делегатов, принявших участие в обследовании в Катынском лесу, приняли участие только Беркле и Орзош. Из разговоров, которые я имел со своим более молодым коллегой, доктором Михайловым, которого вы услышите после меня, как обвиняемого, я понял, что Орзош играл там в Виннице руководящую роль. Я спросил коллегу Михайлова, говорилось ли в Виннице о "псевдокалиусе" Орзоша и указал ли Орзош на "псевдокалиус" - это отложение солей в черепе, пытался ли Орзош посредством этого указания убедить вас, что трупы там действительно стары. Коллега Михайлов ответил мне, что о "псевдокалиусе" не было речи в Виннице, но не было там и необходимости говорить об этом. И в самом деле, вы имеете протокол о Виннице перед собой. Нигде в этом протоколе не идет речь о та-

ком толковании, об этом "псевдокалиусе". Если бы Орзош претендовал, что этот псевдокалиус находится в трупах Катынского леса, которые лежали там три года, или по меньшей мере три года, то тем более, вопросы о нахождении этого "псевдокалиуса" и связанного с ним утверждения Орзоша, должны были быть подняты в винницких случаях, где Орзош утверждал, что трупы были пятилетней давности. В Виннице трупы, согласно его утверждению, более давние и "псевдокалиус" должен бы сильнее проявляться, нежели в Катыни, и следовательно Орзош должен был сослаться на это категорическое, по его мнению, доказательство. Но мы не видим этого.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Трупы в Катыни были более свежими !

- Раз в трупах, которым, по его мнению, три года, находится "псевдокалиус", то тем более "псевдокалиус" должен был быть найден в трупах в Виннице, где трупы, по его утверждению, были пятилетней давности. Но об этом он ни слова не сказал в Виннице.

Адв. П. Денев: Если в действительности образование этого "псевдокалиуса" является перманентным явлением.

- И если действительно этот "псевдокалиус" имеет какую-то доказательственную ценность. Из того обстоятельства, что Орзош не упоминал в Виннице о "псевдокалиусе" я прихожу к заключению, сказанному мною недавно, что не только я не должен верить в этот "псевдокалиус", что не только человечество не должно верить в доказательственную ценность этого утверждения этого наблюдения Орзоша, но и что сам Орзош, кажется не верит этому "псевдокалиусу", потому что если бы он верил в него и если бы он хотел быть добросовестным и логичным, как человек науки, то он должен был бы, раз он утверждает о нахождении "псевдокалиуса" в трупах, которые по его мнению находятся

три года в земле, то он еще больше должен был бы утверждать это для трупов, находящихся пять лет в земле. Но в протоколе мы не видим, что он говорил что-либо подобное.

Я считаю, что для меня, а наверно и для уважаемого суда вопрос о доказательственной ценности "псевдокалиуса" профессора Орзоша можно считать разъясненным в том смысле, что из утверждения профессора Орзоша, записанного в нашем коллективном протоколе, подписанном нами нельзя сделать никакого письменного заключения, кроме того, что ни в коем случае трупы в Катыни не имеют трехлетнюю давность. Этим трупам нет трех лет. Остается только один источник для нахождения истины - это состояние трупов, которое, я постарался специально описать, по отношению к трупу, который я вскрывал. А описание трупов не двусмысленно показывает, что эти трупы очень свежи. Этим окончательно ликвидируется всякая доказательственная ценность Орзошевского "псевдокалиуса".

Было прочтено и заключение. В этом заключении, которое содержалось в первоначальном проекте протокола, прочтенном перед нами Бутцем, не говорилось о том, что состояние трупов отвечало их умерщвлению в тот период времени, на который ссылались свидетели и который указывался документами. Я это хорошо помню, потому что это меня интересовало и поэтому я помню то, что в заключении говорилось, что согласно показаниям свидетелей и согласно документам, указанным нам немецкими властями, избиение этих людей было совершено во время весны 1940 г. Лишь позднее, в другой редакции протокола, который нам принесли для подписки, появилась уже фраза, что состояние трупов отвечало этому времени, тогда, как я вам сказал, наши отдельные протоколы о вскрытии и специально мой протокол не показывают, не указывают категорически, что состояние трупов это доказывает.

Как бы то ни было, демонстрацией Оразова и зачитанием этого протокола и этого заключения закончилось заседание, так называемой, научной конференции. Было достаточно поздно, уже стемнело. По соседству с зданием, в котором мы заседали, был госпиталь, в который мы ходили накануне вечером. Нам сказали, что мы опять пойдем туда ужинать. Мы пошли туда ужинать. Это было в подвале госпиталя, в нижнем этаже. Нам сказали, что во время ужина нам принесут на подпись протокол в том виде, в каком он был приготовлен, хотя бы и ненаучно составленный; в котором была записана экспертиза лесничего и то толкование, которое делал Оразов, в виде своего мнения. Это мнение его сводилось к тому, что состояние трупов отвечало данным, указанным в документах, найденных при трупах, и данным свидетелей - именно, что трупы имеют трехлетнюю давность.

Итак, пошли ужинать. Ужин продолжался очень долго.

Адв. П. Денев: Чтобы нам не ошибиться, поясните следующий вопрос. В заключительной части протокола, говорилось ли что-нибудь или ничего не говорилось о состоянии трупов в том смысле, что не двусмысленно доказывалось, что эти люди были расстреляны в затылок, в заднюю часть головы и были закопаны в марте месяце 1940 г., что устанавливается свидетельскими показаниями, найденными бумагами и т.д., или в заключительной части протокола не принимались, как доказательство, различные бумаги, дневники и проч.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Этот вопрос излишен, потому что мы можем увидеть здесь немецкий оригинал протокола.

- Еще в своих показаниях я поднял вопрос об аутентичности перевода протокола на болгарский язык.

- Носили ли все трупы этот знак - выстрел в затылок.

Из найденных письменных доказательств и из свидетельских показаний, а также из найденных бумаг, дневников и проч. устанавливается ли, что расстрел был произведен в марте или апреле 1940 г.?

- Именно с этим мы не были согласны в тексте протокола; особенно, в отношении тех единичных трупов, которые мы исследовали.

Нар. Обв. Д. ВАЩАРОВ: По точному переводу протокола прочтите заключение, подписанное вами.-

- Я прочту заключительную экспертизу в Катынском лесу /читает/ "были исследованы 6 массовых могил. До сих пор было вырыто 982 трупа, которые были исследованы и отчасти вскрыты и 70% из них было опознано. Причиной смерти была огнестрельная рана в затылок. Из показаний свидетелей из письменных дневников, газет, материалов и т.д., найденных при трупах, следует, что расстрел был совершен в марте или апреле месяце 1940 г. Этому соответствует полностью находки в могилах".

Именно эта последняя фраза отсутствовала в первоначальном протоколе.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И ничего не говорится о состоянии трупов?

- Тут говорится - находки. Быть может словом "находки" хотят сказать "документы".

- Документы.

- У меня было впечатление, что текст, который был опубликован в наших газетах - кто делал перевод я не знаю - этот текст был еще более усилен и в нем настаивалось, что все, что написано в протоколе, подтверждено нами что все мы видели. Но ничего подобного не было в первоначальном протоколе.

- В оригинале этого не было, а в переводе, сделанном и опубликованном в Болгарии, это имеется.

- Да, я утверждаю, что того, что здесь сказано, не было в оригинале. В заключении этого протокола сказано, что, согласно собранным данным и документам, показанным нам немцами, выходит, что расстрел был совершен весной 1940г. и не делалось никакого описания состояния трупов, не проводилось параллели о состоянии этих трупов по результатам специальных вскрытий, которые были сделаны, как и уважаемый господин председатель прочел в брошюре, которая имеется у него, потому, что именно единичными вскрытиями, которые были сделаны, лучше всего показано, что состояние трупов не отвечает утверждениям немцев, что эти люди были расстреляны весной 1940 г. В конце протокола, который был приготовлен в окончательном виде, ничего подобного не говорилось.

Мы пошли ужинать в госпиталь и ждали, чтобы нам принесли протокол. Его не принесли в окончательной форме. Пока мы ужинали, он должен был быть приготовлен и должен был быть принесен, для того, чтобы мы его подписали. Ужин продолжался долгое время и может быть за полночь. Очевидно, с приносом протокола на подпись опаздывали. Среди делегатов начались разговоры, что будем ждать, пока не принесут протокол на подпись. Все делегаты очень устали. Даже некоторые предлагали, чтобы мы удалились на отдых, потому что на следующий день необходимо было встать рано утром. Мы ждали, а протокол не приносили.

Недалеко от меня сидел итальянский делегат, я завязал с ним разговор, он сказал: сейчас немцы разговаривают с Берлином, потому, что из Берлина сказали, что там недовольны протоколом в таком виде, в каком его составили. От него я узнал это, потому что мне было совершенно невозможно узнать, что делается. Он уже понял, в каком духе велся телефонный разговор. Таким образом в Берлине были недовольны составленным протоколом. И как они могли быть довольны, когда в нем не было того заключения, которое они желали. В Протоколе было сформулировано заключение, но не было никаких медицинских данных, устанавливающих, что трупы лежат с того времени, на какое претендуют немцы.

Мы напрасно ждали до полуночи, чтобы подписать протокол. Как-то кто-то сказал: господа, ужин закончен, пошли спать, пошли отдыхать. Вышли, сели в автобусы и вернулись в гостиницу. Никто больше не сказал ни слова об этом протоколе. Я лично, да и другие делегаты, я уверен в этом, почувствовали себя облегченными. Нам казалось, что подписание протокола как-то пройдет мимо нас. Я понимал, что написал протокол после совершенного мной вскрытия, в котором я объективно описал состояние трупа, и из этого описания видно, что этому трупу нет трех лет. Я был доволен, что не дал никакого заключения по вопросу о давности этого трупа, но из того, что я написал в протоколе, каждый, кто подумает, не сможет сделать другого заключения, кроме того, что объективно эта находка; этот

труп не лежали в земле три года. Зная, таким образом как я написал свой протокол, я думал, что сумею увильнуть от подписания коллективного протокола. Поэтому я и поехал в гостиницу достаточно облегченным тем, что эта нечистая и нечестная каша, в которую меня впутали, кажется, будет иметь для меня благоприятный исход.

Пошли в гостиницу, улеглись спать и, как я сказал, никто из коллег-делегатов ни сказал ни слова о подписании протокола.

В день 1-го мая, мы покинули Смоленск. В этот день мы видели, что через город прошли около 20-30 молодых людей и одна группа детей, всего около 30-40 человек было несколько человек и пожилых людей. Они были окружены немецкими военными. У них был ^{вид} военнопленных. Нам сказали, что их ведут на спортивный стадион для того, чтобы отпраздновать 1-е Мая, но вид этих людей был таков, что любое празднование в этом случае могло бы быть лишь пародией.

Как бы то ни было, этот вид был причиной того, что я запомнил, что 1-е Мая утром мы покинули Смоленск, после того, как мы провели два дня до обеда на месте происшествия в Катынском лесу.

Нас отвели на аэродром, где было два самолета. Эти самолеты привезли нас сюда и ожидали нас. Мы - делегаты сопровождались целой группой немцев, которые всегда и везде ходили с нами. На сей раз приехал в Берлин и сам проф. Бутц. Мне кажется даже, что некоторые

из его помощников, сопровождали его, но о Бутце, я твердо знаю, что и он приехал с нами в Берлин из Смоленска.

Еще на пути к аэродрому в Смоленск мы снова попросили остановиться в Варшаве. Этот город нас очень интересовал. Мы хотели видеть Варшаву, потому что слышали, что город сильно пострадал от бомбардировок и от военных действий, которые там происходили. Но на этот раз нам сказали, что по военным соображениям невозможна наша посадка на аэродром в Варшаве. Что это были за военные соображения, которые исключали нашу поездку в Варшаву, находящуюся на расстоянии полуторатысячи километров за линией фронта, нам так и не об"яснили.

К полудню наши самолеты сделали посадку, как нам об"яснили, восточнее Варшавы, между Варшавой и Брест-Литовском. Нам сказали, что местечко, где находился аэродром называлось Бяла. Это был военный аэродром, с чистовоенной обстановкой, с военными бараками вокруг него и столовой с буфетом. Нас ввели в один из этих барakov и дали нам обед. В этот день немцы определенно имели только одно блюдо, постный суп с горохом и с фасолью, без хлеба для экономии хлеба. Нам подали это блюдо. Обед продлился около 10 минут. На соседнем столе/там были поставлены параллельно два, длинных стола/ были разложены какие то бумаги. Начали складывать эти бумаги и тогда Буц повернулся к нам и сказал:

"Господа! Теперь время подписать протокол, который вы приготовили в Смоленске".

- Речь идет о протоколе, который вы сейчас читали

- Да, тот который вы уже имеете и который подписан

- Здесь именно я должен сказать, что серьезно испугался. Для этого испуга было достаточно оснований. Если этот протокол был приготовлен в Смоленске, подумал я, то что им мешало принести его нам в Смоленске даже утром до нашего отъезда в Берлин, потому что вся процедура подписана этого протокола была вопросом нескольких минут. Очевидно, немцы везли этот протокол готовым еще из Смоленска, если они не хотели его дать нам в Смоленске на подпись, если они думали дать его нам подписать в Берлине, тогда почему они нам отказали в посадке на Варшавском аэродроме, где аэродром весьма большой, там есть много людей, большое движение, а им нужно было нас посадить на этот небольшой изолированный военный аэродром, без предварительного предупреждения, что будет подписываться протокол. У меня было, как уже вам сказал, убеждение, что не будут требовать от нас подписания какого-либо коллективного протокола. Но к нашей большой неожиданности нам преподнесли вдруг этот протокол на подпись. Действительно, Бутц прочел этот протокол, но что касалось меня, я был настолько смущен тогда, что не могу сказать, было ли в этом протоколе написано действительно то, что нам было прочтено на той псевдонаучной конференции. После того, как протокол был прочтен, я увидел, что в нем было много вещей, которых мы раньше не принимали, но существенным было то, что в заключении протокола была фраза, в которой говорилось о показаниях свидетелей

и о данных документов, согласно которым время смерти была весна 1940г. Утверждалось, что найденные документы и находки соответствуют этому времени, но как я сказал, мы не принимали подобной вещи.

В этом протоколе есть еще одна вещь, которую очевидно немцы вписали в протокол впоследствии, на что именно мой уважаемый защитник указал, а именно, что Орзош рассмотрел много трупов и нашел этот "псевдокалиус", который подтверждает, что трупы лежат в земле более трех лет. Но ничего подобного не было. У Орзоша не было возможности осмотреть больше трупов. Очевидно, что этот протокол был выработан значительно раньше.

Наступило весьма неловкое положение, весьма тяжелая атмосфера. Мы были, как я уже вам сказал, в военных бараках, было много спутников, но большинство из них были немцы, были и другие личности, о которых я раньше вам сказал, что это полицейские. Был с нами и Циц, и он присутствовал на этом историческом событии - подписании этого протокола. Протокол был положен на столе и делегаты вызывались один за другим для его поставить свою подпись бельгийский делегат, который был подписи. Черным должен был и самым старым среди нас. Это было так, потому что делегаты вызывались в алфавитном порядке, по первой букве государства, которое они представляли. Бельгийский делегат, как я сказал, был старик может быть лет около 60, не меньше, это был дряхлый человек. После бельгийского делегата по алфавитному порядку я должен был подписать протокол, как

представитель Болгарии. Все делегаты беспрекословно подходили к столу и подписывали. В их число входили, разумеется, и швейцарец, и француз, и чех, и все другие. Они подписывали и не говорили ни слова, они не сделали никакого возражения по поводу того, что было прочитано. Никто вообще не попытался увильнуть и не подписать.

Подписал, разумеется, и наш несчастный коллега Гаек из Праги, который лично, как я сказал, был разбит, его личная жизнь была расстроена германским нашествием в Чехословакию.

Сразу же после подписи протокола нас собрали и объявили, что предстоит отъезд. До этого я должен был сказать, что Бутц нас предупредил, чтобы мы спешили, потому что погода начинает портиться, приближается дождь, а нам необходимо вылететь раньше. Действительно в этот день был небольшой дождь во время нашего путешествия. Сразу немцы собрали экземпляры протоколов и мы начали посадку в самолеты. Сели и вылетели в Берлин.

Вечером, без всяких промежутков и посадок между Бялой и Берлином, мы прилетели в Берлин. Мы расположились в тех же квартирах, на которых были когда прибыли и раньше в первый раз.

На следующий день нас повели в Министерство здравоохранения, там был вручен один экземпляр этого протокола немецкому министру здравоохранения д-ру Конти, которого тогда увидели в первый раз. Экземпляр был вручен проф. Орзошем, при этом Орзош произнес весьма короткую речь,

всего несколько слов, сказав, что комиссия, которая была выделена, подписала этот протокол, один экземпляр которого, вручается немецкому министру здравоохранения, - / думаю, что так он выразился/, для сохранения протокола в немецком министерстве.

В ответ на эту краткую речь д-р Конти сказал, что приглашает на обед в отеле, где мы остановились. Немедленно после этого все делегаты пошли в отель и обедали там с доктором Конти.

Должен сказать, что настроение всех делегатов и в частности мое было неважное. Мы все были подавлены.

Адв. П. Денев: Когда вы подписывали протокол в бараке в Бале, заметили ли вы, кто взял оригинал с собой - Орзош или немец?

- Взял его Бутц.

- А почему же появился затем этот экземпляр у Орзоша, когда вы его поднесли министру?

- Не знаю. Вероятно, ему передали его потом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит оригинал потом был у Орзоша?

- Да. - Кроме оригинала, подписывалось еще по одному экземпляру протокола для каждого делегата. Когда я возвратился, я передал свой экземпляр Министерству Иностранных дел.

Адв. П. Денев: Может быть Орзош дал свой экземпляр министру?

- Он не мог дать свой экземпляр, потому что тогда не было бы экземпляра для венгерского правительства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Где вам передали наши экземпляры?

- Насколько я припоминаю, мне дали мой экземпляр в Бяле. Но твердо я не могу это припомнить. Там и Орзош получил свой экземпляр. Вероятно экземпляр, который он передал министру был вручен ему позднее.

После этого началось то, что я назвал бы "давление с целью ведения пропаганды". Должен вам сказать, что еще в Софии перед Шишмановым я сказал, что мой темперамент и мое положение мне не позволяют заниматься какой-либо пропагандой. Шишманов мне сказал, что не будет подписан один протокол для архива, для того, чтобы было видно, в каком состоянии находится дело. Но когда мы были в Берлине еще до нашего отъезда в Смоленск, директор Циц, который устраивал это дело, порекомендовал делегатам быть сдержанными. Мы поняли, что пропаганда проводится не будет. Мы утешились тем, что это "расследование" не будет инструментом, для широкой огласки, но после того, как закончилась работа, и были взяты наши подписи, положение изменилось. Еще в Смоленске журналисты, которые ездили вместе с нами, попытались разузнать, каково впечатление делегатов. Мирославич и др. сделали заявление еще в Смоленске. Предложили и мне. Я сказал, что не желаю делать заявления. Но они были весьма настойчивы. И в Берлине, после приема у министра, опять попросили от меня заявления. Прием состоялся в отеле. Ко мне подошли две молодые дамы, одна из них была фотографом - фотографировала всех подряд. Другая, очевидно, была журналисткой, она начала

разговаривать со всеми делегатами по очереди. Когда я проходил мимо нее и она мне сказала: "Желаю иметь разговор с вами". Очевидно, она хотела получить интервью от всех делегатов Катынского дела.

Поскольку, как я уже сказал, у меня оформилось убеждение, что здесь речь идет об инсценировке, я не хотел разглашать это дело и служить немецкой пропаганде. Я искал случая для того, чтобы избежать разговора. В удобный момент я просто напроsto выскочил, повертелся в зале и в уллучив минуту вышел и пошел в свой отель. Никто больше меня не искал.

На следующий день я уехал из Берлина в Софию. Вечером я чувствовал себя нехорошо. Мне дали билет до Будапешта. От Будапешта я должен был купить себе новый билет, но на следующее утро до отъезда к нам пришли для того, чтобы показать нам некоторые места. Прежде всего, нас повели в судебно-медицинский институт, где профессор Мюлер Тес, директор института, провел одну чисто медицинскую демонстрацию, которая ничего общего не имела с Катынью. Оттуда нас повели в судебно-медицинский музей проф. Панинга. Это был военный музей. Панинг собрал снимки черепов, пробитых пулями и т.д., снимки, которые делаются при криминальных исследованиях. Были и снимки, о которых заявлялось, что это снимки людей, над которыми были совершены насилия поляками до начала Германско-Польской войны. Я припоминаю, что и в 1940г., после того, как немцы заняли Польшу, были посланы приглашения на один научный судебно-медицинский конгресс в Инсбруке,

программа которого была опубликована, был и доклад о жестокостях, будто бы совершенных поляками над немцами. Я помню даже, что обменялся тогда шуткой с одним коллегой, сказав, что недостаточно того, что они оккупировали Польшу, а теперь созывают и конгресс для демонстрации будто бы польских жестокостей над немцами. Несмотря на приглашение, я не поехал на этот конгресс, потому что было очевидно, что это является пропагандистской акцией, в которой я не желал участвовать. Панинг сказал нам тогда, что выставленные в его музее материалы, были показаны на этом научном конгрессе.

С вокзала от Англутер я уехал в Софию.

Ехал вместе с одним подполковником, который за все время путешествия вел себя очень любезно. Он ехал в Австрию. Он сказал мне, что Германия находится в большой опасности, что на нее большой натиск с востока, что если европейские народы не помогут германскому народу, то он не выдержит. Я очень хорошо запомнил эти слова, потому что еще, когда мы были в Смоленске, после того, как я отказал в интервью журналистам, один военный вмешался и вдруг завел разговор о том, как закончится эта война. Он обратился с этим вопросом ко мне. Я засмеялся и сказал: ваш фюрер знает, как закончится эта война. Он сказал: "Я не вижу, как закончится эта война". Рядом с нами стоял немецкий полковник артиллерии, который сказал мне почти те же слова - что Германии трудно выдержать сильный натиск с востока и что Европа должна найти силы, чтобы устоять против этого натиска. Он

сказал, что не все европейские государства участвуют в борьбе. Сказал: "вот шведская армия стоит и не хочет вмешаться в конфликт, несмотря на то, что она отлично вооружена".

Полковник сошел на первом словацком вокзале. Он сказал, что он из ОКВ / немецкого верховного командования / и что едет к заводу "Шкода".

Когда утром рассвело, я помню, что на одной чехословацкой станции я видел прогуливающихся нескольких молодых людей - чешских офицеров, но одетых в германскую форму. Рядом с ними я видел нескольких немецких солдат вроде наших ополченцев. Тогда мой спутник сказал мне: это наш последний набор - "Дас унзере летце гарнитуре" "Мы - сказал он, - должны бороться за всю Европу, спасти ее от большевизма. Он сказал, что им нужно помочь в этом деле.

На одной словацкой станции я расстался с ним.

В Белград я прибыл на рассвете. У меня не было никакой седы.

Я захотел выйти с вокзала для того, чтобы пойти в какую-нибудь гостиницу и поесть, потому, что поезд отходил к вечеру. Я представился в немецкой канцелярии вокзала и показал свой паспорт. Я должен был взять разрешение. Когда они увидели, откуда я приехал, они сказали: "Вы являетесь болгарским делегатом, который ездил в Катынь".

Я спросил их откуда они знают? Они мне сказали об этом писалось в газетах". Ваш протокол был опублико-

ван, и вытащил мне номер газеты "Донау - Цайтунг", выходящую в Белграде. Там я видел "Ин Экстензо" наш протокол, о котором немцы уверали нас, что этот протокол не составлялся для пропагандистских целей. В Белграде я видел впервые этот протокол. И тогда я почувствовал, что эти люди желают злоупотребить нашей работой, что они нас обманули и что они хотят превратить нас в пропагандистский институт несмотря на то, что этот протокол не имел никакой доказательственной ценности и не выдерживал серьезной научной критики, как я об этом уже указал.

Я возвратился в Софию. На следующий день я явился в министерство иностранных дел к Шишманову. Передал ему протокол. Не было речи о том, чтобы меня принял премьер-министр. Передал ему и несколько снимков, полученных мною от немцев и считал, что моя миссия на этом закончена.

Но именно после этого начались самые большие испытания для меня. Прошел день или два и первым дало о себе знать радио - София. Мне не сказали, кто звонит по телефону я понял, что из радиоуправления. Этот человек меня спросил: Это вы были болгарским делегатом в Катыни? Я сказал - да. Необходимо, сказал он, чтобы вы сделали сообщение о том, что было констатировано и вообще вы поделились своими впечатлениями. Я ответил, что это не входило в мои обязанности. Он настаивал. Я сказал ему, чтобы он позвонил мне завтра. На следующий день он мне позвонил во второй раз. Я отказался дать какие бы то ни было сведения. И больше этот человек мне не звонил.

Затем, дали о себе знать официозные газеты "Днес" и "Вечер" и сообщили мне, что они пошлют журналиста, которому я должен дать интервью. Я отказался и больше меня не беспокоили.

Прошло еще день-два и мне позвонил в больницу директор национальной пропаганды - Борис Коцев. Я не был с ним знаком тогда и не знал его. Он мне сказал, что я должен разъяснить болгарскому обществу через прессу и через радио то, что я видел. Раздраженный тем, что было сделано немцами опубликованием протокола, этой пропагандой, которую они вели, я сказал ему, что то, что я могу сказать, я уже написал в моем протоколе, что я представил этот протокол в Министерство, для того, чтобы они сделали, что они хотят с этим протоколом. Коцев пробормотал что-то по телефону. Очевидно он был недоволен, но ничего больше мне не сказал, и я отделался от него.

Прошло еще денька два и начались мои разговоры с немецким посольством. Они уже начали меня разыскивать и дом и в больнице по телефону, но я им не отвечал. Они звонили мне несколько раз. В это время появилось интервью Мирославича в Загребе и Гаека в Праге. В заявлениях Мирославича была масса глупостей о большевистских жестокостях, о разложившихся трупах и т.д., так как таких трупов не было. Наше общество уже вводили в заблуждение по Катынскому делу. Однажды ко мне в больницу пришел молодой немец. Он вошел в мой кабинет. У меня осталось впечатление, что это был какой-то немецкий полицейский в гражданской одежде. Очевидно, он не был чиновником посольства, потому что был одет полуспортивно в кепи. Он сказал мне, что посольский советник Морман звонил мне несколько раз по телефону домой: Вы, сказал он, просто

238
недосыгаемы, и необходимо, чтобы он связался с вами. Я понял, что не смогу легко отделаться от этого человека, и что я должен об"ясниться с ним. Я понял, что Морман искал меня несколько раз в связи с этим делом. Я взял телефон и позвонил Морману в посольство. Он начал разговор нервным тоном. Он сказал мне: "Что вы делаете? Десять дней уже прошло, как вы вернулись, и болгарское общество ничего не знает о вашей миссии". Я ответил, что в Берлине нам сказали, что наша работа не имеет ничего общего с пропагандистской деятельностью, что в Берлине нам рекомендовали сдержанность по этому делу, сказали нам, не говорить о Катынском случае и что незачем теперь делать заявления в прессе, по радио и т.д. Он сказал мне, что теперь из Берлина имеются новые распоряжения. Вы видите, сказал он, что ваши коллеги в Загребе, Бухаресте, Праге и т.д. сделали уже заявления в газетах и по радио. Я ему ответил, что новое распоряжение из Берлина не имеет никакого значения, тем более, сказал я, что мне было приказано поехать туда нашим министерством иностранных дел и подписать только один протокол. Я сделал это и не желаю больше заниматься этой работой. Разговор прекратился. Он мне позвонил еще два-три раза, настаивая на том, чтобы я сделал заявление в газетах и по радио о моей работе в Катыни о том, что там было констатировано и т.д.

Наконец, для того, чтобы отделаться, я сказал ему, что картина в Катыни настолько ужасна, что не должна быть об"ектом разглашения среди широких масс, потому что она подействует на них нехорошо с точки зрения морально-воспитательной. Тогда он умерил претензии, сказал мне, что

я работаю в больнице, читаю лекции студентам, врачам и могу сделать турне по провинции и перед врачами-коллегами могу сделать обзорение того, что я констатировал. Я ему ответил, что я не могу и этого сделать. Но он настаивал, чтобы я сделал это. Я сказал ему, что я был в Катыни не как частное лицо, и не был послан туда германским посольством, а был послан нашим правительством. Я сказал ему, что все эти требования со стороны посольства меня не касаются. Прошу оставить меня в покое и прекратил разговор.

Больше он мне не звонил.

Но на следующий день после этого разговора, после этой ссоры, я бы сказал, с Морманом, мне сказали, что меня вызывают в Министерство Иностранных Дел. Я понял, что Морман пожаловался на меня. Пошел к Шишманову. Он

встретил меня с недовольным видом. Он сказал мне: "Что вы делаете? Немцы очень недовольны, что вы ничего не рассказывали нашему обществу". Я напомнил ему, что в этом самом кабинете он мне сказал, что эта работа не будет связана с пропагандой, а теперь он же требует от меня осведомления общества. Это является делом вашего Министерства иностранных дел. У вас есть протокол, делайте с ним, что хотите, но я не могу делать в прессе или по радио какие бы то ни было заявления. Он сказал мне, что по политическим соображениям они не хотят опубликовать протокол, и что я должен сделать обществу сообщение, пусть хотя бы краткое, которое они могут мне дать. Я сказал, что они не могут дать сообщение, какое они хотят, сообщение, которое бы исходило от Министерства иностранных дел. Я имел в виду нежелание Шишманова опубликовать весь протокол, но будь он опубликован, он в дей-

ствительности ничего не говорил в отношении трупов. После этого, я передал ему краткое изложение, содержащее то, что я написал в протоколе, из которого каждый может убедиться, что немецкий тезис был необоснован. В сообщении я перечислил, кто участвовал в обследовании, упоминал, какие делегаты не смогли принять участие, например, шведского делегата, который не мог приехать из-за несчастного случая. Упомянул об экспертизе с деревцем, что немецкий лесничий дал заключение, что эти деревья были пересажены три года тому назад, но не дал никакого своего заключения. Вообще изложение было написано так, будто оно исходит от меня.

Когда я передал его Шишманову, он сказал, что оно должно быть сделано от моего имени. Я сказал, тогда что же получится, что я даю заключение, а я же сказал вам, что по политическим соображениям немцы не хотят придать гласности протокол. Это сообщение наверно никого не удовлетворило, потому что оно было очень скудно. Поэтому спустя несколько дней газета "Днес" опубликовала протокол "Ин экспензо". Очевидно, были недовольны моим изложением, потому что оно ни о чем не говорило и поэтому стало необходимо опубликование протокола в болгарском переводе. Я не знаю, кто перевел протокол, но имеется явное усиление его заключения в том смысле, что подтверждается все, изложенное в Катынском случае, что не было подписано нами в протоколе, который немцы нам дали на подпись.

Так создалась вокруг меня еще тогда молва о том, что я остался при особом мнении, которое, я считаю, действительно отвечает истине, потому что люди, которые меня знали, которые видели, что я оставил протокол без

241
заклучения, не могли не сделать для себя вывода, что я не был согласен с немецким тезисом и что я без сомнения убежден, что это является инсценировкой и что я старался саботировать эту акцию для того, чтобы она не приняла размера германской пропаганды, по крайней мере, в нашей стране.

К сожалению, немцы расклеили в Софии плакат. Я сам видел его. На плакате был снимок с трупами. Немцы делали много снимков во время нашего посещения. Фотографы лазили по деревьям и всюду и мы не могли им помешать. Но немцы не могли выйти перед нашим обществом с каким-нибудь серьезными данными, способными убедить людей, что действительно то, о чем они твердили в протоколе, подтверждено медицинской экспертизой. Каждый, кто прочтет протокол даже в том виде, в какой он опубликован, увидит, что нет медицинских данных, подтверждающих их тезис, поэтому немцы пустились на уличную агитацию, выставляли снимки трупов, но это вовсе не доказывало, что это трупы людей, убитых русскими властями.

Это недовольство немцев лучше всего выразилось в способе, по которому происходило пополнение миссии, долженствующей отправиться в Винницу, и в которой должен был принять участие и болгарский делегат. Я узнал об этой миссии при встрече на площади "Св:Неделя" с проф.Московым. Он сказал мне, что Филев подыскивал врача, который должен быть послан для одной миссии в Винницу, аналогичной Катынской. Он сказал мне, что немцы недовольны мною. Я сказал ему, что я знаю об этом, потому что я не ответил им, несмотря на то, что они меня искали и в конце-концов перестали меня искать. И при посылке миссии в Винницу, они не только меня не искали, но категорически заявили, что лично

меня они не желают для второго подобного расследования, так как они отлично поняли мою позицию в Катынском случае, поняли тот вред, который я причинил им своим поведением.

Кто и как вызвал тогда молодого коллегу Михайлова, который был тогда в деревне, мне неизвестно. После своего отъезда в отпуск в деревню, он через дня два вернулся снова обратно и мне сказал, что ему сообщили, чтобы он немедленно вернулся из деревни, приехал сюда и позвонил в Министерство иностранных дел. Он встретился с полномочным министром Сарафовым, который сказал ему, относительно обследования, аналогичного тому, которое раньше было возложено на меня в Катыни. Сараф сказал ему, что немцы не хотят меня вторично, потому что я выполнил свою работу способом, не соответствующим их желанию. Разумеется я был полностью удовлетворен этим, потому что я выполнил свой долг, насколько мог, не поддавшись этой пропагандистской акции и тем ограничил ее.

После 9 сентября был поднят вопрос о чистке, из разговора с моим коллегой, проф. Кадановым, я понял, что вопрос о Катынском случае поднимается, понял, что он узнал это от приват-доцента Дрекслея, который был главарем национал-социалистов в Болгарии и который был крайне недоволен мною.

После возвращения доктора Михайлова из Берлина, после того, как он уже ездил в Винницу, он сообщил, что он встревожен тем, кто какой-то болгарин, сзади которого шли немцы хвастался ему, что он имеет связи с немецким посольством. Он нашел этого человека в зале отеля "Алдон", где они остановились. Он спросил его: "Почему вы приехали сюда?" Он сказал, что приехал, как болгарский делегат для того, чтобы принять участие в Винницком обследовании. Тогда этот болгарин ему сказал: "Смотрите незакончивайте свою работу так,

как закончил ее ваш коллега Марков, который наверное коммунист". Михайлов был встревожен этим и поэтому он мне и сказал. Я сказал ему, что я знаю об этом недовольстве немцев мною, но добавил, что я не верю, что в Болгарии они могут сделать что-нибудь такое, что может принести мне вред. И действительно, больше разговоров с ними по этому вопросу у меня не было.

- Такова, господа судьи, в общем история моей несчастной миссии в Катини, от которой, как я вам сказал, на всю жизнь у меня останется все-таки чувство вины, что я оказался недостаточно тверд. В течение 4 месяцев, которые я пережил в тюрьме /около 4 месяцев приблизительно/ я попытался, по крайней мере для себя, выяснить, кто виновник. Для меня нет сомнения, что это правительство, которое навлекло эти несчастия на Болгарию, навлекло несчастье и на меня, толкаемого теми же людьми, которые покрыли всю Европу могилами. Эти самые люди разбили мою жизнь. Я не желаю оправдываться в том смысле, что моя деятельность является только результатом внешних причин. Я подумал и заявляю вам, верно, что я оказался слаб. Мы принадлежали и в частности я, поколению, воспитанному в духе невмешательства в общественную деятельность. Это считалось даже добродетелью. Может быть это было необходимо людям, проводившим тогдашнюю политику. Мы не были воспитаны для борьбы, мы знали, что если действовать только по закону, мы можем быть чистыми в своих общественных отношениях. Но оказалось, что когда попытались совершить надо мною насилие правительство Филова смогло наложить свою волю и послать меня на эту работу, в результате которой все это произошло.

Я закончил свои пояснения. Больше мне нечего добавить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сможете ли вы нам сказать более кон-

кретно, чем точно были недовольны немцы, для того, чтобы не хотеть вас делегатом в Виннице?

- Я убежден, что они прежде всего недовольны тем обстоятельством, что я оставил этот протокол без заключения. Это наиболее очевидно. В книге, изданной немцами о Катыни, вопрос не сводится только к простому пропагандистскому эффекту. Каждый, открывающий эту книгу, увидит десятки снимков. Если кто-либо возьмется читать эту книгу, он не сможет не заметить, что в ней ни одним из делегатов не сказано ни слова о каком то заключении. Если тот, кто рассматривает книгу, является врачом, он не сможет согласиться с немецкой точкой зрения. Если тот, кто рассматривает книгу, врач, то если после прочтения вами протокола, вы зададите ему вопрос, были ли эти трупы трехгодичными, то он ответит отрицательно. Это может заметить даже и обыкновенный человек. Этого не могли не заметить и немцы. Они хорошо следили за нашей деятельностью и поэтому считаю, что это было первым условием, чтобы им быть недовольными мною. Как я сказал вам, они послали мне копию этого протокола и предложили мне его дополнить. Я отказался его дополнить. Они поняли, что я стою совсем на другой позиции и что я не поддерживаю их тезис. Это является другим обстоятельством, из-за которого, я думаю, они недовольны мною. Кроме того, я отказался принять участие в пропагандистской акции. Я отказался дать интервью в Смоленске, в Берлине. Я выскользнул из отеля и избежал разговора с журналисткой, желающей разговаривать со мной. Я отказался дать заявление для официозов "Днес" и "Вечер". Отказался выступать по радио, отказался дать сведе-

ния директору национальной пропаганды Коцеву. Не участвовал ни в какой пропагандистской акции. Наконец, я поссорился с людьми германского посольства, с Морманом, который, как я понял, играет важную роль в германском посольстве. Он разыскивал меня несколько раз по телефону и в конце концов я говорил с ним в резком тоне, просто поругался с ним. Все это естественно не могло их не рассердить. Я категорическим тоном подчеркнул, что не желаю быть к их услугам. И поэтому во второй раз они специально подчеркнули, что не желают моего участия в Виннице. Я узнал от коллеги Михайлова, который был принят Сарафовым, что немцы не ждали моего участия. Когда я пошел в Министерство иностранных дел к г-ну Сарафову, я напомнил ему об этом факте. Я заявил ему, что в свое время коллега Михайлов сказал мне, что немцы были недовольны мною, и что он об этом знал. Я спросил его, смогли ли бы вы подтвердить этот факт письмом, которое я бы представил нашему Комитету Отечественного Фронта в медицинском факультете, для того, чтобы иметь таким образом указания о том, какую деятельность я развивал, для того чтобы эта деятельность могла быть правильно оцененной раз у меня уже имеется оценка самих немцев.

Г-н Сарафов сказал: это вполне справедливо. Он сказал, что у него имеются заметки об этой работе, но он не может дать мне их, потому что я являюсь честным лицом. Они потребовали от него официального письма. Затем это письмо было напечатано. В нем устанавливалось, что Болгарское правительство послало меня, как болгарского делегата. Но когда встал вопрос о моем участии в Винницком деле они нашли, что я непригоден

к этой деятельности.

Адв. П. Денев: А какова мотивировка - что вы неудобны?

- Да, я был удобен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ваше участие в Катынском случае стало известно нашему обществу. Какое вы участие приняли в разрешении этого дела?

- Я не принял никакого участия в разглашении среди нашего общества этого. Оно стало известно обществу с опубликованием протокола. Я сказал вам, как дошли до опубликования протокола в наших газетах. Я выехал из Берлина 3 мая, а протокол был напечатан 21 мая. Значит приблизительно 3 недели спустя после моего возвращения этот протокол был опубликован, после разговоров, которые я вам описывал, с людьми немецкого посольства, которые хотели развить пропагандистскую деятельность с моей помощью и после того, как они не получили моего согласия, они взяли протокол из Министерства иностранных дел и его опубликовали. В опубликовании протокола я не принял никакого участия. Те, кто будет допрошен по этому вопросу, я считаю, установят, что этот протокол не был сделан для общественного разглашения. Как я вам сказал, еще в Белграде, когда я был в пути, я видел, что протокол напечатан.

Позднее, была распространена брошюра, в которой был помещен снимок польского офицера в тот момент, когда его расстреливают. Эта брошюра была разослана повсюду. В ее распространении я также не принимал никакого участия.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Она является немецкой пропагандой?

- Да, я получил ее и на немецком и на болгарском языке.

Позднее, был напечатан и большой том о Катыни /Катынская книга/ в издании которого также я не принимал никакого участия. Мои коллеги в больнице рассказывали, что этот том был разослан повсюду, но я не видел его распространенным.

Таким образом, все, что рассылалось, включая и снимки, рассылалось без какого бы то ни было моего добровольного участия. Как я сказал вам, они фотографировали нас там, где хотели. Распространение афиш является делом немецкого посольства и дирекции пропаганды. Я не имею ничего общего с этой работой. Когда я видел эти афиши, я испытывал чувство большой боли, потому что было очевидно, что они стремятся ввести в заблуждение наш народ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие другие данные были распространены в нашем обществе дирекцией пропаганды?

- С дирекцией пропаганды я не имел абсолютно никакого контакта. Я им не передавал никаких данных. Из частных разговоров они могли узнать многие вещи. Когда я возвратился из Берлина, я разговаривал по этому случаю с многими людьми, и описал неприятности, которые я имел. Я рассказал им и о разговоре, который я имел с немецким полковником, и передал им его слова - что немцы на Востоке чувствуют себя очень плохо, что вся Европа должна им помочь и т.д. Что касается моих впечатлений о Катынском лесу, я сказал свое убеждение многим людям, которым я верил, что они не сделают мне неприятности. Первый человек, которого я встретил и которому сказал об этом, был теперешний секретарь Министерства здравоохранения, доктор Руситасев. Он был задержан в концентрационном лагере. Он тогда

был болен и приходил лечиться в Александровскую больницу. Он часто забегал в наш институт и я разговаривал с ним, потому что мы были знакомы еще раньше. Вскоре после его освобождения из под ареста, я встретил его на улице "Царица Иоанна" перед бывшей II мужской гимназией, он ходил тогда с толстой палкой, мы говорили о многом с ним. Я сказал ему о своих впечатлениях о Катыни. Рассказал ему истину что там действительно были трупы, но что они ничем нас не убедили, что давность этих трупов свыше трех лет. Привели нам свидетелей, указали на документы, от вида которых мы ничуть не убедились в их подлинности, а состояние труповнаоборот говорило как раз об обратном.

Аналогичный разговор я имел с адвокатом Минковским, с которым мы встретились около церкви "Св. Неделя", с адвокатом Васильевым, с которым, насколько я помню я имел разговор в судебной палате. Говорил и с другими, о которых не могу теперь вспомнить, но с менее знакомыми людьми я был весьма сдержан. Однажды приходят в больницу двое коллег, один из них, Петров, ныне покойный врач нервной клиники, убит во время бомбардировки 10 января. Один из них завел разговор о Катынском случае, что я там увидел, а Петров сказал: "Не говори с Марковым о Катыни, потому что он бежит от разговора на эту тему, как чорт от ладана". Разговор тогда прекратился.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А сделали ли вы чтонибудь для того, чтобы дать понять, что то, что говорится о Катыни, неверно?

- В это время я ничего не сделал, потому что никогда не думал, что я в состоянии сделать подобную вещь.

Кроме того, вокруг меня атмосфера весьма сгустилась, если меня не послали в концентрационный лагерь, то дирекция полиции могла бы сделать что-нибудь другое. Если этого

не сделали, то потому, что, если бы меня задержала дирекция полиции, это явилось бы доказательством, что я не согласен с утверждаемым тезисом. А я не посмел сделать что-либо, потому что, как я сказал, атмосфера была весьма сгущенной. Было недовольство со стороны Министерства иностранных дел, Министерства пропаганды и немецкого посольства. На меня были рассержены как немецкие, так и болгарские круги. Даже была высказана угроза перед коллегой доктором Михайловым, что немцы разделяются со мной, потому что я будто бы коммунист. Другие же говорили, что я масон. Я не реагировал на все это, но атмосфера была достаточно сгущена и я не смел сделать общественным достоянием то, о чем я думал.

9 сентября, когда совершилась революция, я был вместе со всем нашим институтом в дер. Летница. Там нас застала перемена. Некоторые из профессоров должны были спешно прибыть сюда. Я остался для проведения экзаменов по судебной медицине. После этого я должен был подготовить реэвакуацию судебно-медицинского института и всего факультета. Я покинул Летницу позднее, в конце октября. 3-го ноября меня здесь задержали. Как только я вернулся, я считал, что я должен войти в контакт с нашими властями, потому что чувствовал, что вопрос этот деликатный и может иметь внешне-политическое значение. Я не хотел действовать на свой риск и не мог действовать, и хотел сделать что-либо по этому вопросу перед нашими властями в том смысле, чтобы сказать истину, так как я делаю это сегодня перед вами. Я прошу вас отметить, что это является первым местом, где я могу говорить свободно. Я хотел сделать изложение этого вопроса, но, как я сказал, 3-го ноября я был задержан и уже не смог этого сделать

Повидимому вопрос еще созрел до моего возвращения сюда — как по делу в Катыни, так и по винницкому делу.

Так что, кроме этих частных моих высказываний перед некоторыми людьми, высказываний моего мнения вскоре после моего возвращения из Катыни перед лицами, которых я вызвал сюда в качестве свидетелей и перед некоторыми из тех кого я не смог вызвать свидетелями, и которых я не помню, потому что я говорил перед многими до 9 сентября ничего другого я не сделал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Чего же вы больше всего боялись, и что не решились сказать о том, что случилось в Катыни?

— Как я вам сказал, в начале я инстинктивно почувствовал, что в этом деле есть что-то нечестное. Сколько бы нас ни уверяли, что эта работа не будет иметь пропагандистский характер, я почувствовал, что здесь стремятся достичь политического эффекта и не хотел быть замешанным в этом деле.

— Почувствовали ли вы, что и другие делегаты, так же как и вы, неохотно поехали в Катынь?

С момента нашего появления в отеле "Адлон" и наших разговоров с делегатами, стало ясно, что и другие делегаты имели то же чувство. Из некоторых стран не хотели приехать. Это было перед Пасхой. Отъезд всех был совершен внезапно, наспех, по распоряжению правительств. Пасха совпала во многих странах и делегаты неохотно поехали для этой работы перед таким праздником. Это совершилось по распоряжению немецких посольств и некоторые из делегатов были просто взяты. Так было сделано, как я уже сказал, и с Гаеком из Праги. Его просто взяли с улицы и сказали, что посылают в качестве делегата. И румынский делегат рассказал, что он должен был очень спешно выехать из

Бухареста. Вообще все делегаты выехали наспех, принужденные своими правительствами сделать это.

Над.обв. Д.ВАЩАРОВ: Вам был поставлен вопрос о том, какое было отношение других делегатов к катынскому делу?

- Я сказал, что не мог обмениваться мнениями с другими делегатами, кроме Гаека. Твердо знаю, что его мнение было совсем не таким, каким оно выглядело из его заявления.

- Скажите, каково было его точное мнение?

- Я сказал вам, что когда мы вошли в комнату и остались вдвоем с ним, он сказал, что трупы по своему состоянию совершенно не отвечают тому, о чем твердят немцы, что они много свежее. Эти документы и свидетели, которых называют, не отвечают действительности. И свидетели и документы подтасованы. Этими мыслями мы обменялись с Гаеком. С другими делегатами я не разговаривал, но у всех делегатов чувствовалось подавленное настроение. Орзошу Бутцу была поручена выработка протокола. Немцы постоянно обращались к Орзошу с тем, как написать протокол. Но вот другой

то, что Бутц нас предупредил, когда мы приехали в Смоленск,

факт, который имеет значение и который я упустил - это, что мы не можем делать фотографий, а также не можем свободно передвигаться в районе Смоленска и Катынского леса, но в то же время я обратил внимание, что Орзош лично свободно передвигался с фотографическим аппаратом и делал фотографии. Он сфотографировал одну церковь в городе. Нас предупредили, что мы находимся в военной зоне и что не имеем права свободно передвигаться в этом районе и делать снимки, а он передвигался свободно и фотографировал. Из этого я сделал заключение, что он пользовался особым доверием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кроме проф. Орзоша, передвигались ли другие там свободно?

- Нет, я не заметил никого.

- Вы сказали, что разговаривали с профессором Палмиери, итальянским делегатом, о каком то телефонном разговоре с Берлином, в связи с подписыванием протокола.

В чем состоял этот разговор?

- Этот разговор произошел, как я вам сказал, вечером в госпитале, в подвале. Тогда стало ясно, что продолжают ужин для того, чтобы принести нам протокол на подпись, но никакого протокола нам не было принесено. Когда некоторые делегаты начали спрашивать, почему не приносят протокол на подпись, тогда проф. Палмиери сказал: Немцы разговаривают с Берлином. Повидимому там недовольны протоколом в том виде, как он составлен, потому что в заключении протокола не говорится, что состояние трупов отвечает их тезису, а получается нечто совершенно другое.

- Вы сказали, что разговаривали с Гаеком об этом деле? Сказал ли он вам, что имеется нечто сомнительное во всей этой истории?

- По этому случаю Гаек сказал: Как вы смотрите, коллега, на эту работу, как вы смотрите на эти трупы? Я сказал ему: Я думаю, что эти трупы достаточно сохранились за три года. Он ухватился за мои слова - эти трупы достаточно сохранились за три года, и повторил: да, они очень сохранились для того, чтобы иметь трехлетнюю давность. Зашла речь о документах. Я высказал мнение, что эти документы, которые нам показывают немцы, и в достоверности которых они хотят нас уверить, без того, чтобы мы увидели, что они найдены на трупах, кто знает

откуда они принесены и кто знает, когда эти документы выставлены там. Гаек полностью согласился с моими соображениями. После этого он начал мне рассказывать, в каком жалком состоянии находится он и его семейство, и как он был послан в качестве чехо-словацкого делегата. Этот наш разговор был очень кратким. Этот разговор длился несколько минут. Затем он пошел искать воду, для того чтобы побриться, насколько я помню. Обменивались ли некоторые другие делегаты мыслями - я не знаю.

- Все ли могилы были в такой глинистой почве, какую вы обрисовали, или были/некоторые могилы в другой почве?

- Почва была одинакова с той лишь разницей, что те, которые были расположены на более высоком месте, наклоненном к Днепру, были на более сухом месте. А могилы, которые были на сравнительно более сухом месте, естественно находятся в несколько иных условиях. Это отмечено и в протоколе. Другие могилы имели большое количество подпочвенной воды и тела были более разложившимися. Отмечалось более интенсивное разложение трупов. Кожа, мускулы и кости были совершенно иные у трупов тех могил, которые были пропитаны водой. Но состав почвы был везде одинаков.

- Одинаково ли было разложение трупов в более влажных и более сухих могилах?

- В более влажной почве трупы были более разложившимися, но и о них не может быть речи, что они трехлетней давности. Судебная практика давно установила это. Ничего из того, что было найдено в этих могилах, не свидетельствовало о том, что трупы трехлетней давности.

- Эта каша, о которой вы говорили, что заметили в желудке трупа, вскрытого вами, смогли ли вы узнать - была ли это пища, или какая либо другая масса.

Когда трупы разлагаются, всегда остается осадок в желудке имелся именно такой осадок. Этот осадок в желудке имел кашеобразный вид. Очевидно, это был осадок от содержимого желудка. Это говорит о степени разложения трупа. Эти части трупа всегда наиболее быстро разлагаются.

- Заметили ли в черепе такой осадок?

- Не было. Но можно было заметить остаток мозга.

В трупе, вскрытом мной был замечен маленький глинистый осадок, который обыкновенно возникает после разложения мозга.

Адв. П.Денев: Вы вскрывали череп?

- Нет, но отверстие спереди было достаточно широким, чтобы я мог рассмотреть. Не было нужды его вскрывать. Была видна черепная пустота с небольшим кашеобразным осадком в затылочной части.

ПРЕДСИДАТЕЛЬ: Чем объяснить сжатие легких?

- Это также благодаря разложению. Там разложение происходит быстро. Когда проходит первоначальное брожение трупа, легкие, как я вам сказал, сжимаются, потому что содержащиеся газы выходят. Легкие переплелись с задними частями.

- Можно ли было заметить какие-нибудь пятна?

- Вся масса была красноватая.

- В протоколе сказано, что были синие пятна.

- Они от одежды. Они происходят от разложения краски. Например, темносиняя окраска разлагается и оставляет пятна.

- От одежды также?

- Да, но кожа трупов была сохранившейся.

- В протоколе вы описываете, что были заметны волокна сердечной мышцы?

- Да. При разрезе мускулы были видны. Это говорит об относительно сохранившемся состоянии сердечной мышцы. Но если труп три года лежит в земле, такое сохранение сердечной мышцы невозможно. Сердечные мускулы были абсолютно очерчены. Это совершенно невозможно, чтобы после трех лет волокна так хорошо сохранились. Обычно, два-три месяца они могут сохраниться. Но в этом случае был момент, благоприятствующий более длительному сохранению трупа. Это было относительно более сухое состояние почвы. Труп уже перешел к засыханию, но ни в коем случае это не может служить основанием для допущения, что этот труп в земле находится более длительное время, например три года.

- Когда трупы закапываются в отдельные могилы, быстрее ли они разлагаются, нежели, если положено много трупов массово в одной могиле?

- Я считаю, что по этому вопросу нет установленных данных. Едва ли можно сделать какое-нибудь обобщение, потому что это зависит от почвы, зависит от случая. Я не знаю, чтобы где-нибудь был бы опубликован результат таких исследований. Вообще в влажной почве разложение трупов совершается быстрее, нежели в сухой почве. Если почва сырая, то без других факторов гниение ускоряется.

- Когда вы остаетесь при мнении, что трупам нет трех летней давности, учитываете ли вы это обстоятельство. Учитываю. Это было ясно и из того, что сапоги не разорвались, когда их снимали. Сочленение костей точно также не было разрушено. Мускулы имели отчетливую внешность.

- Были ли случаи нахождения засохших трупов.

- Отмечалось частичное засыхание, как я сказал. Таким был случай с трупом, который я вскрывал. Отмечалось частичное мумифицирование.

Адв. П.Денев: Я поставлю только один вопрос, может ли подсудимый дать категорический ответ. Сердце трупа, было ли вообще сохранено? Вы сказали, что его правая часть была красноватая, черная или синеватая и что слева были ясно видны мускульные нити. Нити были совершенно ясно видны при разрезе. Различались ли еще волокна?

- Это было именно так. Нити сердечного мускула были ясно видны.

- При таком сохранении сердца, ваша наука, вы лично, можете ли ответить категорически на этот вопрос. Больше ли трех лет или меньше ли трех лет, эти трупы лежали в земле?

- Несомненно меньше. И причем на много меньше, чем три года.

- Вы делаете это заключение из объективных данных.

- Да.

- Господа судьи, в связи с этим ответом подсудимого и в связи с его объяснениями, что объективные данные, которые он дал в акте о вскрытии трупа № 827, данные по которым каждый врач, каждый сведущий в судебно-медицинской науке врач сразу бы сделал заключение, что идет речь о трупах, много более свежих и ни в коем случае не о трупах трехгодичной давности, я просил бы вашего согласия о назначении сведущего лица, например, какого либо профессора по судебной медицине,

который был дал свое заключение по этому вопросу. Если эти данные, которые доктор Марков дал в составленном им акте о вскрытии, будут подвергнуты рассмотрению со стороны врача специалиста, то давайте посмотрим, какое заключение сделает он - идет ли речь о трупах более старых или о трупах более свежих, чем трехгодичные. Таким образом не останется пробела в этом процессе. Я прошу вас согласиться с этим моим требованием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит, вы просите об экспертизе?

Адв. П.Денев: Да, чтобы был назначен такой эксперт, знающее лицо, которое бы дало свое заключение по этому вопросу.

Я излагаю второе требование. Я прошу г-на народного обвинителя, если у него находится эта книга, так называемая, "Белая книга о Катыни", чтобы он ее представил. Чтобы мы рассмотрели заключительную часть протокола, датированного 30 апреля 1943 г., и увидим, сходится ли он с переводом, данным здесь и опубликованным в наших газетах. Чтобы его сравнить с протоколом, цитированном в обвинительном акте. У подсудимого Маркова кажется существует ошибочное впечатление о какой-то разнице в переводе протокола.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Перевод почти идентичен. Есть очень небольшое отклонение при переводе. Это небольшой нюанс. Содержание обоих протоколов почти одинаково. Редакция более или менее точна.

Адв. Наследников: Г-да народные судьи, я поддерживаю требование коллеги Денева, прося, чтобы эта экспертиза была распространена и в отношении работы других подсудимых этого процесса, которые присутствовали в Виннице. Я хочу констати-

ровать то, что они увидели на самом месте и что они отметили, дает ли это основание сделать такие заключения, которые сделали подсудимые.

Присоединяясь к требованию коллеги Денева, чтобы экспертиза была распространена и на работу других подсудимых.

Нар. обв. Д. Валсаров: Я считаю требование коллеги Наследникова неосновательным. Вопрос о том, имеет ли смысл назначить экспертизу, в связи с заключением протокола в Виннице, мы разрешим завтра, когда будет допрошен доктор Михайлов. Теперь вопрос относится только к заключению протокола о Катыни. Протокол, который написан доктором Марковым после вскрытия трупа. Считаю, что требования защитника Денева имеют основание нужно, чтобы была назначена экспертиза, потому что действительно есть мнение что по данным, изложенным доктором Марковым в акте о вскрытии, можно прийти только к заключению, что эти трупы много свежее, чем трехлетние, так что эта экспертиза будет иметь значение для процесса, но мне кажется, что излишне распространять экспертизу на винницкие констатации. Пока что такая экспертиза будет совершенно излишней, так как д-р Михайлов не делал в Виннице и вообще не подписывал никакого акта о вскрытии. Есть только один акт, в котором общими фразами и общими выражениями что-то сказано. Следовательно по этому акту никакой врач не может сделать никакого заключения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По предъявленным требованиям суд выскажется в следующем заседании. Приостанавливаем сегодняшнее заседание. Завтрашнее заседание начнется в 8 с половиной

часов утра.

/ Приостановлено в 14 ч. 30 минут/

Стенографы - две подписи Г. Ботев
Г. Трыпчев

Верно с оригиналом.

Председатель третьего верховного
состава Народного суда - София.
Подпись: /Борис Лозанов/

Министерство юстиции удовлетворяет, что вышеположенная
подпись Главного Прокурора Верховного кассационного суда
Бориса Лозанова - Председателя третьего верховного состава
народного суда - София, является его собственноручной.

София, 21 марта 1946 года

Начальник гражданского отдела /Б. Добрев/
/ Печать/

Министерство Иностранных Дел и Вероисповедания удосто-
веряет подлинность вышеположенных подписи и печати Министер-
ства Юстиции.

София, 21. III. - 1946 г.

Секретарь Консульского Отдела - подпись неразборчива

Драгоман-кассир - /подпись неразборчива/
/ Печать/

Настоящий документ легализован в Консульском Отделе
миссии Союза ССР в Болгарии.

Гор. София, 21 марта 1946 г.

Заведующий Консульским Отделом
Миссии Союза ССР: подпись неразборчива
/ Печать/

Настоящая папка содержит 100 /сто/ листов.
Начальник Уголовного Отдела Министерства Юстиции
/Ст. Станев/
/Печать/

Перевели: *Зеленова* (Зеленова П.) и

(Разлогов)